

Владимир Гудов

731 спецбатальон

731 СПЕЦБАТАЛЬОН SPECIAL BATTALION

От автора.
Живите и помните,
чтобы подобное не повторилось.
Гудов В.А.

Прошли года. Комбат, построй.
Поверку сделай батальона.
Ведь он сражался как Герой
За жизнь, спасение народа.
И что я вижу, – Боже мой,
Стоит фантом, какой-то призрак,
И лишь четвертый здесь живой,
А трое у прозрачной ризе.
Вы не дожили до седин,
Ушли тогда Вы молодыми.
А кто остался еще жив,
Тот позабытый в этой жизни.

Гудов В.А.

В этой книге — воспоминания ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС 1986 года. Самую опасную и тяжелую работу пришлось им выполнять, что бы заглушить взорвавшийся четвертый реактор, снизить уровни радиации. Они сделали великий подвиг — за семь месяцев после взрыва убрали тонны радиоактивного мусора и грунта, дезактивировали гектары площадей внутри и вокруг реакторов, снизив радиоактивный фон в десятки и сотни раз. Благодаря проделанной работе отселение людей ограничилось 30-километровой зоной. Цель книги — донести до читателей, как все происходило.

Предисловие

Прошло уже много лет с той страшной катастрофы, которая произошла 26 апреля 1986 года. Взорвался 4 реактор Чернобыльской атомной электростанции (ЧАЭС).

Причины этой трагедии до настоящего времени точно не определены, да и будут ли они вообще определены? Средства массовой информации сообщали различные причины и версии, но факт взрыва есть, а доказательств того, что этому предшествовало, нет. Мне сейчас пришла мысль — написать именно из Библии, из Нового Завета, откровения святого Иоанна Богослова: 8 (10) стр. 253. «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. 11. Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умирали от вод, потому что они стали горьки». В украинском языке Чернобыль означает — полынь обыкновенная. И приходится задуматься: катастрофа на ЧАЭС — это ошибка людей в эксплуатации, диверсия или предначертанная судьба человечества во времени? И не об этой ли катастрофе говорится в откровении Иоанна Богослова, мы можем только предполагать. Составить стройную систему логических рассуждений о причинах этой катастрофы мы то же не можем из-за отсутствия фактов, предшествующих ей. Поэтому мы воспринимаем все произошедшее так, как оно есть.

Мне пришлось участвовать в ликвидации аварии на ЧАЭС в 1986 г. в эпицентре взрыва (Особо опасная зона № это 4 и 3 реакторы) и быть непосредственным свидетелем событий ликвидации последствий этой аварии за определенный период с 30 июля по 9 сентября 1986 г. (42 суток) в составе в/ч 32207 — это был тогда 731 (ОБСЗ) — отдельный батальон специальной защиты. Хочется осветить тот малый промежуток времени в ликвидации аварии, чтобы люди знали, как все было, кто ликвидировал последствия аварии, как относились к своей работе люди в эпицентре взрыва, и затронуть многие другие вопросы, — ведь эта авария уже вошла в историю Украины, да и в историю всего мира как самая глобальная катастрофа на нашей планете

Как проходила ликвидация последствий аварии на ЧАЭС, подрастающее поколение будет знать только из книг, а книг про аварию, особенно про работу в эпицентре взрыва, их нет. Мне пришлось на 13-ю годовщину аварии на ЧАЭС по просьбе учителей школы № 305 г. Киева рассказать ученикам про ликвидацию аварии. И тогда подумал — ведь эти дети родились уже после аварии, они только из рассказов ликвидаторов или из книг могут узнать, как проходила ликвидация последствий аварии.

Каждый год к очередной годовщине аварии на ЧАЭС по телевидению показывают представителей министерств и ведомств, которые рассказывают как о каком-то подвиге о том, что сотрудники их министерства разработали и проложили провода

связи между населенными пунктами или как вывозили из сел животных. А о нас, воинах-ликвидаторах, призванных из запаса в 1986 году и выполнявших под приказом самую трудную и опасную работу, как тогда говорили, «грязную», просто забыли, а точнее — не знают о проделанной нами работе. Мы были призваны из запаса райвоенкоматами Министерства обороны и опять ушли в запас.

Поэтому решил написать о нашем 731 ОБСЗ — отдельном батальоне спецзащиты, о том, что еще осталось в памяти, ведь нас в живых остается все меньше. Из 4-х заместителей командира батальона с 30 июля по 9 сентября 1986 года (42-е суток) к 2009 году в живых остался один. Можно считать, что примерно 75% личного состава батальона уже нет в живых. Поэтому свою книгу посвящаю воинам-ликвидаторам, отдавшим здоровье и жизнь во имя живых. А вы живите и помните, и почитайте тех, кто своим трудом на ЧАЭС, теряя здоровье, — спасал будущее — Вас, нынешнее новое молодое поколение.

Боевой путь батальона

Отдельный батальон специальной защиты (731 ОБСЗ) был сформирован из воинов запаса. Кадровыми офицерами были командир батальона и начальник штаба. С 29 апреля по 5 мая 1986 г. место дислокации (расположение) батальона было между населенными пунктами Копачи и Лельов.

С 5 мая по 9 мая 1986 г. батальон был переведен немного дальше от ЧАЭС, в с. Дитятки, а затем в Страхолесье.

С 10 мая по 17 мая 1986 г. переведен в населенный пункт Городище. С 19 мая 1986 г. местом дислокации батальона стал населенный пункт Ораное.

В первые дни аварии перед батальоном стояла задача — загрузка парашютов свинцом, песком, доломитом и подцепка к вертолетам. Парашюты использовались как мешки.

Затем, когда батальон был переведен в с. Ораное, была поставлена задача — уборка радиоактивного мусора в 4 и 3 энергоблоках и дезактивация этих помещений, а так же уборка радиоактивного мусора и грунта на прилегающей территории 4 энергоблока. С этой задачей личный состав батальона справился, но, к сожалению, ценой своего здоровья, а впоследствии — и жизнью.

До аварии. Мирная жизнь

Об аварии на Чернобыльской атомной электростанции (ЧАЭС), которая произошла 26 апреля 1986 года, мы все узнали в одно и то же время — после майских праздников, когда объявили по радио и телевидению. До этого средства массовой информации ничего не сообщали.

В то время мне приходилось работать главным инженером колхоза «Жовтень» с.Яхны Фастовского района Киевской области.

Прошла весна, лето проблем только добавляет. Июльское жаркое солнце скатилось за горизонт. Можно было вздохнуть свободнее, воздух вечером становился уже не таким горячим. Трудовой день в тракторной бригаде уже заканчивался. Комбайны постепенно остывали от знойного дня. Комбайнеры мыли руки, шутили и собирались домой. Еще день—два — и закончатся работы по ремонту и подготовке зерноуборочных комбайнов к уборке зерновых культур. Делали различные приспособления, исходя из опыта, для уборки полеглых хлебов, — вдруг пригодятся. Переставляли наклонные транспортеры, чтобы при их движении захват стеблей зерновых культур осуществлялся тыльной стороной захватывающих планок, а не так, как предусмотрено заводом-изготовителем. Это давало возможность надежного захвата валка зерновых культур. Делали другие технические премудрости, чему способствовал и мой опыт: много полезного было взято из Казахстана и Николаевской области.

Когда был студентом Украинской ордена Трудового Красного Знамени сельскохозяйственной академии, то в составе студенческого механизированного отряда пришлось в летне-осенний период работать комбайнером в Николаевской области Еланецкого района, колхоз им. Ленина. Три сезона работал комбайнером в Казахстане — Кустанайская область, Карасуский район, совхоз «Майский». Много интересного и полезного можно было там увидеть в вопросах организации труда, технического обеспечения, ремонта и обслуживания сельскохозяйственной техники, которая была выше, чем в России и Украине.

Это было связано с тем, что механизаторов не хватало для бескрайних полей Казахстана и сама жизнь заставляла их думать, — как успеть убрать урожай, вспахать, посеять и т. д. Многое мне пригодилось для работы в колхозе.

Однажды вечером к нам домой зашла секретарь председателя правления колхоза и сказала, что сегодня звонили из райвоенкомата и сообщили, что бы мне завтра к девяти часам утра прибыть в райвоенкомат. Дома с женой поговорил: «Наверное, хотят что-то уточнить по документам». Ведь в военные лагеря во время начала уборки брать не должны из колхоза. Да и в прошлом, 1985 году, зимой, был на переподготовке два месяца в учебном полку гражданской обороны в г. Мерефа Харьковской области. По подготовке — заместитель командира батальона по политической части (замполит батальона). В 1983 году, по окончании учебы в Украинской сельскохозяйственной академии, закончил и военную кафедру, затем два месяца мы все были в военных лагерях. «Так часто, — подумал, — не могут брать в военные лагеря на переподготовку». Но на следующий день стало понятно, что это не переподготовка, а, практически, военная служба и, как показали последующие дни, — к нам пришла беда, о масштабах которой никто из людей не мог даже предположить, не увидев своими глазами.

Утром в семь часов в тракторной бригаде на втором этаже ремонтной мастерской, как всегда, председатель проводил планерку — слушал отчет всех специалистов по работе за вчерашний день и составлял план на текущий день. Выслушав мой отчет и узнав, что меня вызывают в райвоенкомат, он не придавал этому серьезного значения.

Призыв. Военное время

В назначенное время, в девять часов утра, я и еще два или три человека зашли в отдел по учету офицеров запаса Фастовского райвоенкомата. Мы по очереди представились. Мне почему-то запомнился мужчина, который говорил, что у него дочь выходит замуж и нужно готовить свадьбу, просил отсрочить призыв в военные лагеря.

Из разговора было понятно, что он с этой просьбой уже не первый день. Майор его выслушал и сказал, что нас вызвали для отправки в военные лагеря сроком на сто восемьдесят суток, отправка сегодня в двенадцать часов. На мой вопрос, можно ли было предупредить хотя бы за сутки, ведь не военное же время (мне нужно было отправить жену с шестимесячным ребенком к ее родителям в г. Ульяновка Кировоградской области. Даже за хлебом до магазина идти полтора километра по пересеченной местности — дорога грунтовая, подъемы, спуски, да и с маленьким ребенком женщине в чужом селе не справиться) мне был дан ответ: «Считай те, что это военное время — вас берут на ЧАЭС». Теперь стало понятно, насколько серьезна авария. Нас, оказывается, вызвали двоих на одно место — подстраховка, если вдруг один не приедет по какой-то причине, то второй все равно будет отправлен. Это подтвердилось, когда майор снял трубку телефона, набрал номер и сказал, что связывается с г. Киевом. Доложил, что есть два человека, назвал нас и объяснив наши ситуации, спросил, кого отправлять? Трубку слег ка отстранил от уха, чтобы нам было слышно.

— Давайте лейтенанта Гудова, — произнесено было четко, с хорошей дикцией. Итак, в двенадцать часов мне нужно быть с вещами и сухим пайком на сутки в райвоенкомате г. Фастова. Меня беспокоило только одно — как отправить семью к родителям жены. Мне разрешили позвонить из райвоенкомата в Кировоградскую область. Дома был отец жены. Вопрос решен — он приедет и заберет семью. С моих плеч как будто свалилась тяжесть, мысленно благодарил ее отца и стечение обстоятельств (он был дома и выедет именно сегодня).

Выйдя из райвоенкомата, сел за руль грузового автомобиля Газ-52, который последнее время мне служил верой и правдой. Сколько тонн запчастей, сколько двигателей он перевез, столько же перешло и через мои руки. Инженера-экспедитора у нас не было, да он и не нужен был — колхоз небольшой. Выехав из г. Фастова (впереди было тридцать километров пути), все время думал, как лучше объяснить жене, что сейчас приеду и снова уеду. Чувство, что оставляю человека в

трудную минуту с маленьким ребенком на руках в чужом селе, не давало мне покоя.

Встречная машина УАЗ-469 мигает фарами, что бы остановиться. Выхожу — председатель идет навстречу, спрашивает, для чего вызывали. Говорит: «Сейчас заеду в райвоенкомат по твоему вопросу». Отвечаю: «Чему быть суждено — не миновать. Тем более что по ВУС (воинско-учетный стол) числюсь теперь в войсках гражданской обороны, да и авария на ЧАЭС кажется серьезной. А техника к уборке подготовлена, урожай уберете», — на том и расстались.

Ровно в двенадцать часов мы с майором уже сидели в машине. Он сказал, что отвезет меня в г. Белая Церковь. Прибыли в войсковую часть — сборный пункт для воинов запаса. Я переоделся здесь в военную форму, гражданскую сдал на склад. Майор решал еще около двух часов какие-то вопросы, затем попрощался со мной и уехал. Из Фастовского района больше никого не было, из других районов Киевской области было по пятнадцать-двадцать человек. Ближе к вечеру военные автомобили, крытые тентом, начали выстраиваться в колонну, не выезжая за пределы части. И когда начало темнеть, прозвучала команда: «К машине!». Колонна тронулась в путь. Ехали несколько часов — в кузове трясло, пыль. Постепенно мы уже общались, все когда-то отслужили срочную службу и сейчас каждый вспоминал о ней с юмором, рассказывали анекдоты об армии.

Ночью проехали какой-то город и примерно в два часа приблизились к пункту прибытия. Иногда колонна останавливалась, военные при свете фонарика зачитывали по списку воинские звания и фамилии, названных забирали в свои войсковые части. Нас становилось все меньше.

Спецбатальон

Наконец на очередной остановке прозвучала команда: «К машине!». Оставшиеся построились возле своих автомобилей, было понятно, что прибыли к месту дислокации войсковой части, где придется служить. Проверив по списку, нас разобрали в войсковую часть 32207 и 25 бригаду.

Впоследствии я узнал, что в/ч 32207 — это был на то время 731ОБСЗ (Отдельный батальон специальной защиты). Шли ночью друг за другом за своими ведущими, которые нас встретили. Шли минут двадцать. Чувствовалось, что идем по лугу, почва под ногами была мягкая, с хорошей растительностью.

Ночь была очень темная.

И вот прибыли в расположение войсковой части. Это был летний палаточный городок. Прибывших построили перед штабом батальона, проверили согласно списка и военных билетов. Весь личный состав распределили по ротам.

Нас, двоих лейтенантов, пригласили в штаб батальона. Мне стало известно, что прибыл сменить замполита батальона, второй лейтенант — на замену помощника начальника штаба батальона. Мы представились и познакомились с офицерами, сержантами и рядовыми. Никто из работников штаба, оказывается, еще не спал, хотя было около трех часов ночи, на востоке уже светлели облака, скоро будет рассвет, — ведь ночь июльская коротка.

Командир батальона майор Гитуляр, отдав последние распоряжения, пошел отдыхать. Его палатка стояла рядом с палаткой офицеров батальона.

Замполит батальона, старший лейтенант Шехтерман, которого я должен был сменить, оказался общительным и доброжелательным человеком, впоследствии мне не раз пришлось убедиться в его высоких моральных и этических качествах как офицера и как человека. Мы с ним прибыли в офицерскую палатку. По обе стороны в ряд стояли металлические койки. Здесь я познакомился с заместителем командира батальона по строевой части капитаном Луньковым. Он еще не спал. После утомительной дороги хотелось поскорее лечь и заснуть. Кровать была заправлена чистыми свежими простынями. Как мне объяснили, здесь имеется несколько свободных коек, так как иногда ночуют офицеры, которые приезжают с проверкой из штаба опергруппы особой зоны № 3. Чтобы разговорами не создавать лишнего шума, ведь многие отдыхают, разделся, лег спать и сразу же уснул. Сказалась усталость, ведь сутки почти не спал.

Утром командир батальона майор Гитуляр построил батальон и представил меня личному составу. Средний возраст воинов был в пределах двадцати пяти — тридцати пяти лет. Только потом стало понятно, почему нужен был этот возраст для работы на 4 реакторе. Там все выполнялось бегом — независимо оттого, мешки с цементом или с мусором на плечах. Работа была на износ, и только воины в этом возрасте могли выдержать такой темп. Были и моложе, и старше. Все в свое время прошли срочную службу в рядах вооруженных сил СССР. И теперь вот они стояли в строю, похожие друг на друга не только военной формой, но и сосредоточенностью, серьезностью.

Действительно, это были специальные учебные сборы. Слово «специальные» было от руки написано в повестке, которую мне вручили в райвоенкомате при возвращении из военного лагеря.

Весь день провел в расположении батальона.

Ознакомился, в каких палатках находятся роты и взводы. Переписал — согласно штатному расписанию — воинские звания, фамилии, имя, отчество офицеров управления батальона, командиров рот и взводов. Познакомился лично с каждым офицером. Весь батальон состоял из воинов, призванных из запаса. Только командир батальона и начальник штаба были на действительной военной службе — кадровые офицеры.

Вечером командир батальона в штабе проводил совещание и утверждал список личного состава, который будет ехать завтра в первую и вторую смену для работы на ЧАЭС. Старшим команды назначен старший лейтенант Шехтерман, меня включили помощником для быстреего ознакомления с маршрутом передвижения команды, распорядком и характером работы на станции. Приказ был подписан, скреплен печатью, и список личного состава, который едет на станцию, был вручен старшему команды. Второй список оставался в батальоне и его переписывали в книгу приказов, которая была пронумерована, прошита и скреплена печатью. К выезду на ЧАЭС не допускались те, у кого была доза облучения около 25 рентген, чтобы они не получили 25 рент ген и больше.

Как потом стало известно, при облучении в 25 рентген и больше платили пять окладов, но, чтобы не было перерасхода денежных средств, запрещалось получать такую дозу облучения. Поэтому у всех уезжающих домой было около 25 рентген.

Совещание закончилось. Завтра мой первый выезд на ЧАЭС.

ЛИКВИДАЦИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ АВАРИИ НА ЧАЭС

Первые впечатления

Рано утром, в пять часов, разбудил дежурный по батальону. Быстро встал, оделся и вышел из палатки.

Лагерь спал. Только несколько десятков человек, стараясь не создавать шума, шли в столовую. Свежесть раннего утра взбодрила меня.

Легкая прозрачная дымка простиралась вдаль за расположение лагеря. Удивительно свежий чистый воздух, не тронутый еще дуновением ветерка, казалось, находился в какой-то таинственной, не понятной для нас дреме. Это было время, когда ночь еще не полностью покинула свои владения, а утро еще не окончательно вступило в свои права.

Умылся, вода быстро прогнала остатки сна, легкий озноб прошел по всему телу. Через несколько минут мы были в столовой. Поев подогретой пищи, ушли на построение. Команда первой смены для отправки на работу на ЧАЭС состояла из восьми десяти человек.

Старший команды сделал перед строем проверку личного состава согласно списка, отданного приказом командира батальона.

После проведенного инструктажа, в шесть часов, мы уже сидели в машинах, крытых тентом, и колонна тронулась в путь. Ехали сначала по грунтовой дороге, а когда выехали на асфальт, дышать стало легче — меньше пыли. Многие сняли респираторы, затянулись сигаретами. В расположении батальона находились без

респираторов. Мне стало интересно, почему у всех гражданские респираторы, а не военные. Оказывается, и впоследствии это подтвердилось на личном опыте, что гражданские респираторы практичнее при такой тяжелой и интенсивной работе.

Когда пот стекает по лицу, они его впитывают, а военные респираторы не впитывают, так как сделаны из поролона и внутри выложены целлофаном. Пот стекает, повисает на губах и капает на выдыхательный клапан, отчего тот не работает. Поэтому использовали гражданские респираторы. И когда по телевидению показывают ликвидацию аварии на ЧАЭС, то видно, что военнослужащие бегут в гражданских респираторах — марлевых повязках. Мы эти повязки называли «лепесток», потому что внутри была пластмассовая вставка в форме лепестка или снежинки. Эта вставка служила для того, чтобы при интенсивном дыхании марлевая повязка не влезала в рот, ведь при такой быстрой работе дышать приходилось открытым ртом.

Около двух часов мы находились в пути. К восьми часам наша колонна уже прибыла на ЧАЭС. Машины остановились на небольшой площадке между административным зданием станции и первым реактором. Личный состав был построен, а автомобили, чтобы не набирать еще большей радиации, уехали на отстой на вертолетную базу — это по дороге в сторону г. Чернобыля.

Мы вдвоем со старшим команды вошли в админздание ЧАЭС, свернули направо и в конце здания поднялись на второй этаж.

Прямо от нас была столовая для работников станции, слева — кабинет главного военного радиолога. Мы пошли направо по коридору и вошли в штаб опергруппы особо опасной зоны № 3. Помещение штаба было небольшое. Представились. Шехтерман сообщил, что ему есть замена — лейтенант Гудов. Познакомились. В штабе были: начальник опергруппы особой зоны № 3 генерал-майор Лимаренко, начальник политического отдела особой зоны №3 полковник Кушнир, подполковник Тимченко и еще три человека из старшего офицерского состава.

Работники штаба поинтересовались моральным состоянием в батальоне, какие проблемы возникают при работе на станции. Напомнили о недопущении переоблучения личного состава и других вопросах, касающихся жизнедеятельности нашего батальона.

Это все проходило в виде беседы. Не было даже заметно, чтобы офицеры штаба показывали свою важность, значимость как по должности, так и по званию. Это были настоящие офицеры, умудренные жизненным опытом и прошедшие хорошую школу управления людьми, их психологией. Мне это стало почти сразу понятно, потому что такую школу тоже пришлось пройти в своей жизни, да и работа дает хороший урок. Когда учился в сельхозакадемии, приходилось много выступать с лекциями, писать рефераты, присутствовать на лекциях работников высшего партийного состава Украины по вопросам беседы с людьми: взаимоотношения

руководителя и подчиненного, руководителя и работников вышестоящей организации, взаимоотношения в семье и т. д. Был руководителем лекторской группы при комитете комсомола академии. Словом, приобрел богатый опыт, на который можно потратить всю жизнь, но многие вопросы так и не понять без соответствующего обучения.

Нам сказали, что на сегодня работа — уборка радиоактивного мусора и дезактивация помещений 3 реактора. Выйдя из штаба, мы спустились в подвальное помещение. Здесь было очень душно, хотя вентиляция работала. Койки стояли в два яруса, люди лежали в нижнем белье, слышны были вздохи, люди не спали.

Зашли в небольшую комнату. За столом сидели двое военных и три человека в гражданском, что-то обсуждали. На стене висела карта энергоблоков и территории ЧАЭС. Мы представились. Они поинтересовались, сколько сегодня прибыло военнослужащих. На карте показали, где предстоит сегодня работать — на какой отметке реактора. (В домах — этажи, а в реакторе — отметки). Люди в гражданском были работниками ЧАЭС, которые хорошо знали расположение помещений реакторов и радиационную обстановку. Мы получили приказ — дезактивация помещений 3 энергоблока. В связи с тем, что все восемьдесят человек одновременно не могут быть задействованы в работе, принято было решение: работать несколькими группами по двадцать человек, остальные — кому предстоит работать и кто отработал, будут находиться в помещении, где уровень радиации значительно ниже. Получив задание, вышли из админздания. Слева были построены военнослужащие. Старший команды сказал, что это прибыли команды из других войсковых частей, призванные из запаса. Мы в построении не участвуем, так как свою задачу знаем — у нас постоянно работа на 3 и 4 реакторах. Наши военнослужащие уже успели перекурить. Прозвучала команда «Нале-о!», — и наш отряд прошел между 1 реактором и адмзданием на внутреннюю часть ЧАЭС. Повернули влево и пошли быстрым шагом вдоль 1, 2, 3 реакторов. Здания реакторов по размерам были очень большими. Впереди был 4 реактор. Казалось, что реакторы были построены попарно, то есть здание объединяло 1 и 2 реакторы. Отдельно здание было для 3 и 4 реакторов — их разъединял только транспортный коридор, который, как туннель, проходил насквозь между ними. И на два реактора была одна труба. Угол 4 реактора со стороны транспортного коридора был цел. Почти рядом стоял высокий кран.

Напротив 3 реактора был АБК-2 (административно-бытовой комплекс № 2), где получали и переодевались в рабочую форму. После работы мылись в душе и одевали уже свою форму. Это был обслуживающий комплекс.

При входе в АБК-2, внутри, находился дозиметрист, который прибором проверял радиоактивность сапог, одежды. Мы прошли влево и справа в помещении получили рабочую одежду и рабочий инструмент — лопаты, мешки, швабры, тряпки,

брезентовые рукавицы и резиновые перчатки, моющий раствор. Рядом было помещение для душа. Переоделись и вышли из раздевалки.

К 3 реактору было два пути: первый — выйти из АБК-2, пройти по территории и войти в дверь реактора. Второй путь — это из АБК-2 по навесному коридору, который стоял на сваях и находился на высоте примерно пяти метров, также можно было войти в здание 3 реактора.

Мы пошли по второму пути. Коридор был с окнами, и с этой высоты было уже лучше видно, что на 4 реакторе двигался радиоуправляемый трактор. Мне сказали, что в нашем батальоне его называют «луноходом». Он часто ломается — выходят из строя печатные платы из-за высокого уровня радиации — становится неуправляемым и приходилось уже не один раз оттаскивать его от края крыши. Почти в конце этого навесного коридора был пропускной пункт — солдаты срочной службы проверяли документы. Старший команды предъявил свой пропуск с отметкой «всюду» и список команды с указанием войсковой части, номером приказа, подписью командира батальона, заверенный печатью. При проходе через вертушку солдат всех пересчитали и сверили количество по списку. Зайдя в помещение 3 реактора, мы попали в комнату, где нас ожидали два работника станции. Их всегда было по два–три человека — это на случай, если одному станет плохо, то остальные окажут помощь.

Нужно было делать дезактивацию помещений 3 реактора и уборку радиоактивного мусора подвального помещения. В команду обязательно входили дозиметрист и врач батальона. Перед началом и после завершения работы всегда проверяли и записывали уровни радиации. Затем вместе с отчетом о проделанной работе эти данные передавали в штаб опергруппы особой зоны №3. На основании наших данных составлялась карта радиационной обстановки станции. Но сведения были не точными, так как по техническим характеристикам завода-изготовителя дозиметр ДП-5В не является высокоточным дозиметрическим прибором. Он служит для измерения альфа-, бета- и гамма-излучения. На тот период это был основной прибор, которым измеряли уровни радиации помещений, техники, людей и т. д. Вторая неточность при составлении карты радиационной обстановки происходила в основном из-за способности самовосстановления радиации почти до того же уровня. Это трудно пояснить, но так было. Проводим дезактивацию помещений — вымыли дезактивирующим раствором стены, полы. Уровень радиации снижается на несколько рентген. Замеры произвели, когда стены и полы почти уже сухие. На следующий день уровни радиации почти такие же, что и были до дезактивации. Поэтому нам приходилось данную работу выполнять по несколько раз. Замеряли мы только гамма-излучение, которое имеет высокую проникающую способность — практически через все — стены, людей, бронетехнику и т. д. Альфа- и бета-излучения не учитывали.

Итак, с дозиметристом зашли в помещение, где предстоит работать. Замеры уровня радиации проводили в нескольких местах, так как показания сильно отличаются даже на расстоянии двух–трех метров от предыдущего замера. Дозиметрический прибор очень медлительный. Приходится ждать, когда стрелка прибора остановится; если зашкаливает, то приходится переключать на следующий диапазон измерения, и так можно несколько раз переключать, пока не попадешь на нужный диапазон, когда стрелка остановится. Этот прибор был неудобен и медлителен в работе, поэтому мы из-за него переоблучались и тратили лишнее время, находясь в помещении с высокими уровнями радиации, тем более что приходилось делать замеры в нескольких местах. Затем на основании нескольких показаний подсчитывали средний уровень радиации в помещении. Нам за один выезд на станцию разрешалась доза облучения не более 1,7–1,9 рентген — это чистой работы. Облучение во время нахождения на станции, поездки, нахождения в батальоне в эти рентгены не входило.

Поэтому, когда уже после десяти лет с момента аварии, мне пришлось сделать исследование крови в лаборатории цитогенетических исследований, заведующая лабораторией поинтересовалась характером работ на тот период. Интерес ее был вызван тем, что впервые среди чернобыльцев, которых она обследовала, у меня анализ крови показал сильное изменение (абберация) хромосом. Разрешила посмотреть в электронный микроскоп и затем сравнить с фотозарисовками нормальных хромосом. Увиденное было удручающим. Х-образные хромосомы были разорваны пополам или частично. Осколки их были разбросаны по всему видимому кругу. Несколько хромосом были целыми. А когда я спросил, можно ли узнать, какое облучение получил, был ответ: «С разрешения вышестоящего начальства». Начальство мне ответило: «А зачем вам это надо?»

В помещении мы осмотрели объем работ, замерили уровни радиации и, выйдя из этого помещения, подсчитали на листочке средний уровень радиации, который составлял 4 рентгена в час. Затем по пропорции подсчитали, сколько минут надо работать, исходя из расчета, что предельная доза облучения человека за время работы — 2 рентгена. Вычисление было простым: четыре рентгена — шестьдесят минут, два рентгена — икс минут. Получилось, что время работы составляет тридцать минут. Команду разделили на две группы по сорок человек. Первая группа остается здесь для дезактивации помещения. Работать будут по двадцать человек, чтобы не мешать друг другу. Отработав тридцать минут, уходят. На их место приходят следующие двадцать человек и работают также тридцать минут.

Старший команды поставил задачу первой группе, назначил ответственного по контролю за временем работы, и группа приступила к работе. Мы записали время начала работы. Затем втроем спустились в подвал. Подвал был освещен. Нам предстояло работать со стороны четвертого реактора. Вдали виднелась дверь для выхода в транспортный коридор, который находился между третьим и четвертым реакторами. Слева от двери на стене краской было написано: «свалка

радиоактивного мусора» и стрелка показывала вниз, на кучу мусора. В транспортный коридор постоянно въезжали бетоновозы и выливали бетон в подвальные емкости четвертого реактора. Вдоль и поперек подвала пролегли большого диаметра трубы. Они гудели, чувствовалось, что внутри их большое давление. При осмотре подвала приходилось через эти трубы перелезать. Все они были в пыли. Вместо пола был какой-то грунт, местами были кучи мусора. Мы осмотрели объем работы, начали замерять уровни радиации. Дозиметрический прибор опять показывал различные уровни радиации в зависимости от мест измерения. Предстояло убирать радиоактивный мусор и пыль при десяти рентгенах в час. Время работы составляло двенадцать минут. Поднялись наверх, где находилась команда. Второй группе объяснили радиационную обстановку, характер и время работы, и что будем работать также по двадцать человек. Спустились вниз со второй группой. Двадцать человек остались в ожидании работы в помещении рядом с входной дверью. С остальными мы спустились в подвал. Работа была очень напряженной. Здесь мы работали все: не было ни командира, ни подчиненных. В эти отведенные двенадцать минут было потрачено столько энергии, что трудно с чем сравнить. От пота все были мокрые, этот темп работы могли выдержать, наверное, только мы — в двадцать пять–тридцать лет. Одни лопатами соскребали мусор, пыль и сбрасывали в мешки. Другие бегом вверх выносили эти мешки и выставляли за дверь снаружи помещения третьего реактора. Так же бегом возвращались. Каждый старался сделать как можно больше работы.

Воздух подвала был пронизан радиоактивной пылью, все было как в тумане. А здесь еще предстояло работать второй двадцатке. Шехтерман хлопнул меня по спине и показал наверх, — стало понятно, что время работы истекло. Каждому пришлось таким образом сообщить о конце работы. Говорить здесь было бесполезно — скрежет лопат об мусор, топот бегущих ног, гул в трубах создавали невероятный шум. Меня удивило то, что люди не сразу оставили работу, а еще какое-то время продолжали работать в усиленном темпе. Было понятно, что они хотят сделать как можно больше работы, даже за счет своего переоблучения и утраты здоровья. Психологам трудно порой понять состояние людей, их поступки в трудные и ответственные моменты жизни, когда ставится вопрос о жизни миллионов людей. Это все просто и понятно для тех, кто был вместе с ними. Наконец все дружно оставили работу и с мешками мусора и лопатами побежали наверх.

Мокрые от пота, уставшие, все в пыли, мы стояли и не могли отдышаться. Садиться отдыхать не разрешалось — везде радиация, это все понимали и это было законом. Наши респираторы уже почти не пропускали воздух. Они превратились в мокрые и грязные тряпки. Мы поменяли респираторы, которые были большим дефицитом. Приходилось выпрашивать их у станционников. Работники станции знали, в каких условиях мы работаем, и всегда старались помочь. Спасибо им за это. Почти всегда с собой увозили ящик респираторов для следующей смены.

Когда не было гражданских респираторов, приходилось работать в военных, но эти не были пригодны для такой интенсивной и пыльной работы. Пот стекал под респиратор на выдыхательный клапан и он не работал. В штабе опергруппы особой зоны № 3 знали об этой нашей проблеме, но гражданскими респираторами не обеспечивали, считая, что министерством обороны предусмотрены военные респираторы и они нам выданы. Поэтому иногда в них приходилось работать.

Поставив задачу второй двадцатке, мы вместе спустились в подвал. Пыль немного осела, но все было как в туманной дымке. В этой двадцатке мы со старшим команды физически почти не работали — второй раз, почти без отдыха, такой темп работы выдержать невозможно. Закончив работу, мы побежали наверх.

Пока вторая группа отдыхала, мы поднялись к первой группе. Там работала уже вторая двадцатка и им еще предстояло работать минут десять. После окончания работы замерили и записали уровни радиации в помещении после дезактивации, а также в подвальном помещении.

Всю ветошь, перчатки сбросили в мешок и выставили снаружи помещения. Потом эти мешки забирали уже другие службы и увозили на захоронение.

Сделали поверку личного состава и перешли в АБК-2. В помещении при входе сидел дозиметрист и проверял нас на радиоактивность. Всем говорил: «Грязь», — это означало, что радиоактивен. Одежду снимали, бросали в угол и шли принимать душ. За тем одевали свое обмундирование и возвращались к месту посадки — площадке возле первого реактора.

Наших машин пока не было. Недалеко от входа в админздание получили несколько ящиков минеральной воды. После работы воду почти всегда выдавали. Вдвоем со старшим команды поднялись на второй этаж станции. Заполнили графу «облучение личного состава». Проставили перед каждой фамилией дозу облучения, которая сегодня получена. Она составляла — 1,95 рентгена. (Два рентгена ставить нельзя, — главный рентгенолог не подпишет).

Заходим к нему в кабинет. Представились и подали список. Полковник внимательно просмотрел, расспросил об уровнях радиации, о времени работы и напомнил о том, чтобы не переоблучать личный состав. У меня сложилось впечатление, что он, наверное, и до этой аварии был в подобной ситуации, только в меньших масштабах. Он подписал нам список и через несколько минут мы были в штабе опергруппы особой зоны. Здесь отчитались о проделанной работе. Офицеры штаба нанесли на карту там, где мы работали, уровни радиации, подробнее расспросили о проделанной работе и моральном состоянии личного состава. Интересовались, достаточно ли перчаток, орудий труда и т. д. Заметно было, что они с особым уважением относятся к нашему батальону. Об этом я сказал старшему команды, когда вышли из штаба. Он ответил, что только наш батальон в две смены постоянно занимается треть им и четвертым реактором. Иногда подключают двадцать пятую

бригаду и еще какую-то войсковую часть, но редко. Их чаще используют на территории или вдали от станции вывозят радиоактивный мусор. А мы справляемся в основном своими силами.

На площадке уже стояли наши машины. Предстоял обратный путь продолжительностью в два часа. Мы погрузились в машины и поехали в сторону г. Чернобыля. Проехав не большое расстояние, колонна остановилась на ПУСО—пункт специальной обработки. Здесь нашу колонну автомашин проверяли на радиоактивность. Как оказалось, уровень радиации машин превышал все допустимые нормы, но нас пропустили. Работники ПУСО знали, где мы работаем и относились с пониманием. Ведь мы не могли менять машины почти ежедневно. Нам их просто никто не предоставит. Машины они помыли из шлангов дезактивирующим раствором, и мы отправились в путь. Иногда заставляли подъезжать еще раз — пускали по второму кругу и опять мыли машины. Другие автомашины с повышенным уровнем радиации тоже не пропускали. Мне впоследствии приходилось наблюдать, как работников ПУСО уговаривали пропустить машину, но это было почти не возможно. На них не действовали ни какие воинские звания, будет это ехать полковник или генерал. Если машина заражена, то дальше ее все равно не пропустят, пока не сделают дезактивацию и не снизят уровни радиации автомобиля. Они достойно выполняли свою работу. Это то же были призванные из запаса воины.

Всем очень хотелось пить. После работы минеральная вода всегда была для нас спасением. Уставшие от работы и длительного пути, мы почти все были в сонном состоянии, многие дремали.

По прибытии в батальон построились, сделали поверку личному составу, доложили командиру батальона. Затем команда: «Разойтись, взять полотенца, мыло — и в душевую палатку», которая находилась среди деревьев метров за шестьдесят от наших палаток со стороны въезда в батальон. Уставшие от работы и дороги, идем мыться.

По пути возле наших палаток стоит турник, кто то еще хочет подтянуться, но сил уже нет, и спрыгивает.

Проходим через большую поляну, по обе стороны которой стоят футбольные ворота. По высокой траве заметно, что никто в футбол здесь не играл. Да и какой футбол после этой поездки? Мы приехали, а вторая смена уехала, и так каждый день в жизни нашего батальона.

В палатке для душа, когда разделись, заметил, что лицо и шея у всех без исключения сильно отличаются от тела по цвету. Они как будто сильно загорели, но с каким-то красноватым неестественным оттенком. Такое бывает, когда человек первый раз долго загорал под солнцем.

Своим наблюдением поделился с остальными. Прапорщик сказал, что такое всегда бывает по возвращении с реактора на открытых участках кожи, и они называют это ядерным загаром. Приняли душ — возвращаемся в палатки.

В штабе пишем грамоты, благодарности для особо отличившихся сегодня в работе. Точно также поступим при возвращении второй смены. Вечером строится батальон и подводятся итоги работы за день, вручаем перед батальоном грамоты, благодарности. Это была одна из действенных форм по поддержанию образцового порядка в батальоне. А еще порядок поддерживался пониманием ответственности за порученную нам работу на 3 и 4 реакторе, пониманием того, что это была авария мирового масштаба, ведь уровни радиации повысились во всех странах. Это каждый из нас понимал. Потому батальон, созданный из воинов запаса, имел такую хорошую дисциплину.

Мне есть с чем сравнивать: служил срочную службу в ГСВГ — группе советских войск в Германии, г. Дрезден, приходилось быть и на полигонах, и на военных учениях. После первого года службы — примерно шесть месяцев в составе сводного батальона участвовал в уборке урожая в Ростовской области, Казахстане и Белоруссии. В Ростовской области к нам были прикомандированы и воины запаса. Поэтому такая примерная дисциплина в батальоне (в/ч 32207), сформированном из воинов запаса, меня приятно удивила. Вспоминаю слова командира батальона майора Гитуляра С.И.: «Я с Вами, призванными из запаса, служил бы всю жизнь». Это было похвально для нас. И еще он как-то сказал: «И где Вас таких замполитов берут — не курят, не пьют». Мы с Шехтерманом ответили шуткой: «Курить некогда, а выпивки все равно нет».

Вторая смена работала там же, где и мы, — в подвале 3 реактора, убирала радиоактивный мусор.

Уже перевалило за полночь, когда у меня наконец-то появилось свободное время. В штабе за столом написал жене письмо с подробным описанием, где работали, что видел и какие уровни радиации; положил для отправки.

Изучал штатное расписание. У всех заместителей командира батальона майорские должности. Старался запомнить фамилии и кто на какой должности. Распорядок батальона мне был уже известен, нужно было еще хорошо знать расположение помещений в 3 и 4 реакторах. Шехтермана не сразу отправили из батальона, и через день на станцию мы опять поехали вместе — это для меня было хорошим приобретением опыта.

Весь следующий день проходил в подготовке и отправке команд первой и второй смены. Изучение проблем, если возникали, вручение грамот и т. д.

Командир батальона и начальник штаба были кадровыми офицерами. Старшими команды они не ездили. На станцию командир батальона ездил, когда вызывали на

совещание в штаб опергруппы особой зоны № 3, но это было нечасто. На совещания брал всегда с собой замполита батальона.

Надо отметить работу штаба. Он работал в полную силу, профессионально. Ведь это были люди, которые когда-то служили срочную службу в штабах Советской армии. И они тоже ездили работать на станцию.

Завтра мы едем на станцию. Ездить мне придется только в первую смену, чтобы потом успеть подготовить грамоты и благодарности для особо отличившихся первой и второй смены и вручить их вечером на построении батальона.

Рано утром, как обычно, в пять часов — подъем для команды первой смены, завтрак, построение, инструктаж, погрузка и отправка на станцию. Все проходило в привычном рабочем ритме. Старались не создавать шума, ведь батальон еще спал.

В штабе на станции нам дали приказ — работать в здании 4 реактора. Работа такая же — уборка радиоактивного мусора и дезактивация помещений.

В здание 4 реактора из АБК-2 (административно-бытового комплекса) можно было пройти тремя путями. Первый путь — по навесному коридору от АБК-2 попадали в здание 3 реактора, поворачивали вправо и через несколько десятков метров по винтовой лестнице сбегали вниз в подвал, где мы до этого убирали радиоактивный мусор. В конце подвала вбегали в дверь, поворачивали вправо и по транспортному коридору слева была дверь в 4 реактор.

Второй путь — пройти в помещения 3 реактора и спуститься сразу в этот же подвал. Только здесь приходится долго передвигаться — много труб и других препятствий. Третий путь самый короткий — пройти по прямой к зданию 4 реактора в транспортный коридор и справа — дверь в помещения 4 реактора. Но здесь получаем сильное облучение от 4 энергоблока и прилегающей территории.

С каждым метром уровень радиации повышался. Но это был самый короткий путь в 4 энергоблок. Мы его использовали, когда чувствовали сильную усталость, а в таком состоянии бежать через помещения 3 реактора очень тяжело. Здесь можно было заблудиться из-за множества поворотов. Был такой случай: из другой войсковой части один воин отстал, и его потом пришлось долго искать. Поэтому мы часто использовали короткий путь, хотя здесь больше облучались. Перед выходом из АБК-2 всегда сообща принимали решение, каким путем нам попасть к месту работы. Путь туда преодолевали всегда бегом. Облучение это нам не засчитывалось, оно учитывалось только при работе. Гражданским, работающим на станции, учитывалось все. Вот такое неравноправие. А мы на станции в среднем находились четыре часа. В восемь часов всегда были уже на станции и примерно в двенадцать уезжали. Иногда уезжали в два часа, когда прибывала колонна автомашин второй смены нашего батальона.

Над территорией станции вертолет распыляет дезактивирующую жидкость или порошок красно-коричневого цвета.

В здание 4 реактора мы побежали по самому короткому пути. Пробежали по транспортному коридору метров двадцать и справа вбегаем в дверь помещения 4 реактора. С этой стороны часть помещений не была полностью разрушена и мы остановились в одном из них.

Дозиметрист включил прибор, стрелка замерла и показывает двенадцать рентген в час. Оставили команду и ушли осматривать помещение, где предстояло работать. Помещение было не очень большим, поэтому всем составом команды работать здесь нельзя — будут мешать друг другу. Работы здесь много. Из проемов в это помещение нанесло всякого мусора. Замерили в нескольких местах уровни радиации и сразу же уходим. Возвращаемся к своей команде, подсчитываем средний уровень радиации, где предстоит нам работать. Он составляет двадцать рентген в час. По пропорции подсчитываем, сколько времени надо работать. Двадцать рентген — шестьдесят минут, два рентгена — икс минут. Получается время работы — шесть минут. Сказали, что будем работать группами по сорок человек. Отработает одна группа, затем приступит к работе вторая группа. Нужно принять решение, где будет находиться вторая группа, ожидая время работы. Или в этом помещении при двенадцати рентгенах, или бегом возвратиться в АБК-2. Как только будет возвращаться первая группа, сразу же бегом на рабочее место. Но все вместе приняли решение остаться в этом помещении, считая, что шесть минут не так уж и много, а, главное, сохраним силы для работы.

С первой группой бежим в помещение, где предстоит работать. Одни держат мешки, вторые лопатами засыпают мусор, полные мешки сразу бегом выносим наружу и ставим у стенки здания реактора.

Время работы истекло, подана команда — оставить работу. И опять все повторяется, как в прошлый раз.

Группа продолжает работать. Наконец работу оставили, прихватили мешки и — бегом из помещений реактора. На выходе поставили мешки, и первая группа бегом отправилась в АБК-2, чтобы меньше облучаться, ожидая окончания работы второй группы. Но такое было не всегда, потому что работы проводились и в помещениях, которые находились вдали от входа в реактор. Путь к ним пролегал через другие помещения, траектория пути была сложной и без карты-схемы трудно сориентироваться. В здании реактора легко заблудиться — очень много различных помещений. Энергоблок — это очень большое здание. Потому, в основном, первая группа по окончании работы ожидает вторую, работающую группу, в помещении реактора, чтобы потом вместе прибыть в АБК-2.

Окончив работу, выбегаем из здания реактора и, пробежав транспортный коридор, справа оставляем мешки с мусором и в том же темпе продолжаем путь на АБК-2.

Остальное все повторяется, как и в первый день поездки — душ, переодевание, отчет и возвращение в батальон.

В штабе батальона на меня подготовили приказ для получения пропуска, чтобы можно было возить команды на станцию самостоятельно. Такие пропуска выдавались всего нескольким офицерам, которые тоже ездили старшими команды. Вечером пришла телефонограмма — прибудет замена. Надо было встретить, внести в приказ по батальону, ознакомить с распорядком, характером выполняемых работ, определить, в какой роте будут проходить службу и прочее. Мы начали делать подготовку по отправке такого же количества воинов. Дозиметрист батальона дал список лиц, у кого предельные дозы облучения приближаются к двадцати пяти рентгенам. Около двух часов ночи замена прибыла. Построили напротив палатки штаба батальона. Проверили военные билеты. Штаб работал — оформлял приказы, снимал с довольствия уезжающих, прибывших ставил на довольствие и т. д.

Затем вновь прибывшую группу мы с Шехтерманом повели в ленинскую палатку, подробнее рассказали, где им придется служить, что делать, какие задачи стоят перед нашим батальоном, как долго им придется здесь быть. Сообщили, что питание одинаковое как для офицерского, так и для сержантского и рядового составов. Питание обычное, как в армии для солдат. Дополнительно выдавалась на сутки банка рыбных консервов на четырех человек или банка сгущенного молока. Сообщено было, что, кроме среднего заработка или средней тарифной сетки по месту работы, здесь также идет оплата за работу на станции в пятикратном размере. Это было для всех неожиданным, чтобы военнослужащим еще и платили.

Попросили всех завтра обязательно написать письма домой, пусть дома не волнуются. Это также был один из моментов воспитательной работы в коллективе, способствующий его сплочению и хорошему взаимоотношению между командиром и подчиненным.

На следующий день был подготовлен приказ на оформление мне пропуска, который выписывают в бюро пропусков г. Чернобыля. Там меня сфотографировали и выдали пропуск на право въезда в закрытую зону. Он был закатан в непромокаемую пленку. Стояли печати: треугольная — бюро пропусков ЧАЭС и круглая — с цифрой 300. Посредине пропуска большими красными печатными буквами было написано: «ВСЮДУ». Этот пропуск давал возможность неограниченного передвижения по всей закрытой зоне в любое время суток. Пропуска были нескольких видов в зависимости от того, где человек имеет право работать и находиться. Пропуска были с надписями: «г. Припять», «г. Чернобыль», «ЧАЭС». Нам разрешалось быть всюду.

Вечером в батальон из штаба опергруппы особой зоны № 3 прибыл подполковник Тимченко — среднего роста спокойный, опытный человек. Посещение нашего батальона офицерами штаба было обычным явлением. Никто не придавал этому

большого значения. Он общался с офицерами, прапорщиками, сержантами, солдатами.

Его интересовало настроение личного состава батальона, какие предельные дозы облучения получены и сколько людей, требуется своевременно заменить. В штабе у них эти сведения, конечно же, имелись. Нужно было чем-то интересоваться и о чем-то говорить.

Вечером опять телефонограмма — частичная замена личного состава, а вместе с ними должен отправиться и замполит батальона. Две ночи подряд замена — это редкость. Все прошло, как и обычно. Отправлять пришлось тех, у кого доза облучения была выше, чем у остальных. В штабе писари сделали запись в военные билеты, где особые отметки, о том, что принимали участие в ликвидации аварии на ЧАЭС в особо опасной зоне № 3 и указали дозу облучения. В гражданской обороне есть три зоны при атомном взрыве. Третья зона — это эпицентр взрыва (самая опасная), затем идет вторая зона и дальше от взрыва — первая зона. Нам приходилось работать в третьей зоне — эпицентре взрыва. Кроме записи в военном билете, выдали еще справку с такой же записью. Заместитель командира по финансовой части выдал справки о получении зарплаты по месту работы с указанием постановлений правительства и сроком службы в батальоне. Мы с Шехтерманом распрощались как старые знакомые. Поблагодарил за службу и пожелал всем счастливого пути.

«...Чтобы меньше другим досталось»

Следующая поездка на станцию мне запомнилась тем, как один рядовой нашей команды сказал: «Чтобы меньше другим досталось». Эта поездка ничем не отличалась от других. Нам предстояло работать в помещениях 4 реактора. Была поставлена задача — построить две стены из мешков с цементным раствором. Между этими стенами должно быть расстояние 1,5 метра.

Под потолком оставить для шланга место, чтобы залить бетон, когда раствор в мешках застынет. Трудно вспомнить на какой отметке мы работали, но это была, как и обычно, тяжелая работа. Слева от транспортного коридора стояли металлические ящики с цементным раствором.

Мы всей командой забежали в здание 4 реактора. Вдвоем с дозиметристом побежали вверх. На одной из отметок по плану нашли помещение. В противоположной стене был пролом. Часть стены валялась на полу. Было заметно, что здесь делали расчистку для укладки стен. Мы стали замерять уровень радиации. Стрелка дозиметра отклонялась вправо и зашкаливала. Дозиметрист переключил прибор на следующую градуировку шкалы, при которой снимаются более высокие уровни радиации. Стрелка по-прежнему отклонялась вправо. Наконец она остановилась. Сделали замеры в нескольких местах. В конце подошли к противоположной стене и выставили штатив для замера к проему. Стрелка

зашкалила. Мы вышли из помещения. Внизу подсчитали средний уровень радиации. Он составлял сорок рентген в час. Подсчитали время работы — оно составляло три минуты. Это время на хождения в рабочем помещении. Чтобы забежать с мешком цемента, уложить и выбежать из помещения, достаточно примерно двадцати секунд. Следовательно, каждому из нас нужно было появиться в рабочем помещении десять раз — принести десять мешков. Итого, на восемьдесят человек — восемьсот мешков. Посоветовались, как нам лучше распределить людей для работы. Одна группа будет внизу заполнять мешки раствором, вторая группа будет носить. Каждый считает количество отнесенных мешков. Затем поменяемся. Меняться можно по ходу выполнения работы и по своему самочувствию. Можно отнести, например, пять мешков, за тем остаться внизу заполнять мешки раствором. Потом отнести еще пять мешков. Врач будет находиться наверху возле рабочего помещения. Распределив обязанности, приступили к работе. Для сравнения — нет, наверное, такой работы, какую нам здесь приходилось выполнять, как не с чем сравнить и порыв в работе этих людей. Лопатами быстро накладывали раствор в мешки, завязывали, помогали поднять на плечи и бегом наверх. Поддерживая мешок на плечах правой рукой, левой цеплялись за перила и бегом по ступенькам преодолевали высоту примерно восьми-девятиэтажного дома. Маршевые лестницы здесь были очень длинные. Когда выбегал наверх, сердце просто выскакивало из груди. Раствор просачивался через мешок и стекал по всему телу. Забегав в рабочее помещение, мешки укладывали так, чтобы они друг друга перекрывали. Так укладывают кирпичи в стену при строительстве дома. Это была тяжелая работа. Уложив мешок, бегом друг за другом спускаемся вниз. Встречные бегут вверх, напрягаясь изо всех сил, цепляясь за перила. И опять все повторялось.

Мне по ходу работы приходилось контролировать правильность укладки мешков. Затем, когда стена начала расти вверх, пришлось остаться в рабочем помещении и помогать укладывать мешки таким образом, чтобы стена не завалилась. Цементный раствор был темный, значит, марка цемента была очень высокой и стена должна в ближайшие часы стать монолитом. Посчитал, сколько в ряду мешков и умножил на количество рядов. Получалось, что работа должна уже заканчиваться. Бегу вниз. Навстречу, тяжело дыша, цепляясь за перила, подымается группа людей. Обратил внимание, что одного парня невысокого роста, худощавого, все обгоняют. Было видно, что эта работа не по его здоровью, а, может быть, он еще очень молод для такой тяжелой работы. Возможно, весной пришел из армии. Взвалив его мешок себе на плечи и уточнив, может ли юноша подняться наверх к врачу, побежал вместе с остальными вверх, в рабочее помещение. Врач сказал, что это от переутомления — парень нес седьмой мешок.

Пришлось оставить его внизу заполнять мешки.

Раствор еще оставался, а все, в основном, отнесли по десять мешков. Стояли уставшие, потные, тяжело дыша. Обмундирование было пропитано цементным раствором и потом. Респираторы были как грязные мокрые тряпки, но у нас для

замены их не было. Мы и эти выпрашивали для работы. Почти все сняли респираторы, потому что невозможно было дышать. Посоветовались, что делать с раствором. Вторую смену могут отправить на другую работу. Если оставить раствор, он зацементируется и ящики нужно делать другие, а это — потеря драгоценного времени по ликвидации аварии. Да и цемент пропадет.

Решили и этот раствор в мешках перенести в рабочее помещение и уложить в стену.

Закончив работу, до АБК-2 бежать не было сил, шли уставшие и ко всему безразличные. Респираторов ни у кого не было, грязные и мокрые, они были сброшены в мешок возле здания реактора еще во время работы. Опять все повторяется: дозиметрист станции замеряет у нас уровень радиации, принимаем душ. Одеваем свою форму и идем на погрузочную площадку к 1 реактору. Главный дозиметрист станции подписывает дозу облучения личного состава, отчитываюсь в штабе о проделанной работе, уточняют некоторые вопросы и т. д.

Мы стояли на своей посадочной площадке — это между 1 энергоблоком и админзданием станции. Впервые в жизни пришлось узнать, что такое головная боль. Поинтересовался, как чувствуют себя остальные. Те, кто был уже две, три недели и больше, сказали, что у всех к концу первой недели по прибытии на станцию начинаются постоянные головные боли, слабость, першение в горле. Заметил, что когда ехали на станцию и она уже была видна, то всегда в глазах у всех нас не хватало смазки. Мы жмурились, глаза как будто высыхали. В расположении батальона такое не замечалось.

На площадке машин еще не было. Все стояли уставшие, садиться нельзя — везде радиация. Некоторые курили и устало переговаривались. Было видно, что люди отдали все силы этой не легкой работе. Ребятам было в основном от двадцати до тридцати пяти лет. Один был совсем молодой — весной пришел из армии, женился, а через месяц забрали по повестке райвоенкомата. Второй молодой парень рассказывал в батальоне, что когда его призывали, то с ним поехал отец и в райвоенкомате просил, что бы его взяли вместо сына, ведь сын молодой, ему надо еще иметь семью, детей. А они отправили обоих, сказав при этом, что нашелся тут сильно умный.

Мы получили минеральную воду и немного утолили жажду. Эта всеобщая беда как-то всех нас сблизила и сделала в одночасье взрослей. Лица были молодые, а глаза — как будто умудренные большим жизненным опытом. Понимали, какая ответственность лежит на каждом из нас. В разговоре обратил внимание на одного парня. Не знаю почему, ничем он вроде не был приметен, среднего роста, лет двадцати пяти. Спросил его, как он относится к тому, что мы полностью выкладываемся здесь на станции, работаем больше положенного времени. Он даже как-то с недоумением посмотрел на меня — неужели непонятно? И ответ его

был достойным уважения: «Как же, товарищ командир,— чтобы меньше другим досталось».

Посмотрел в его уставшие глаза, понимающе кивнул головой и подумал, что каждый из нас это понимает. Во время всеобщей беды проявляются лучшие качества человека. Он даже не знает, кто придет ему на замену, а беспокоится о других. Миллионы людей спасли эти ребята, отдав за это свое здоровье, а впоследствии — и жизни, убирая радиоактивный мусор, делая дезактивацию помещений — снижая радиоактивный фон. И у меня появилась гордость за этих людей, которые стремились сделать больше, чтобы меньше досталось другим.

Посмотрел на ребят и подумал: через некоторое время уйдут опять в запас, станут гражданскими и никто не будет знать, что именно они своими руками выносили радиоактивный мусор, делали дезактивацию помещений третьего и четвертого реакторов в 1986 году и убирали радиоактивный грунт с прилегающей территории 4 энергоблока. Вынесли всю тяжесть на своих плечах. И, спустя много лет, поймет ли подрастающая молодежь, что их будущее спасали такие же молодые ребята того времени — настоящие герои нашей истории. К сожалению, забытые нашим государством.

Мои размышления прервал гул приехавших за нами автомашин. Впереди было еще два часа раздумий в дороге.

Трудовые будни

Приехав со станции, в штабе батальона ознакомились с телефонограммой, согласно которой командиру батальона и мне сегодня в семнадцать часов надо прибыть в штаб опергруппы особой зоны № 3 на совещание. Опять предстоит поездка на станцию.

На совещании мы получили приказ о подготовке к зиме. Нужно было строить овощехранилище, зимние палатки, клуб и столовую. При этом работа на станции должна продолжаться в том же темпе.

Вечером командир перед батальоном довел приказ всему личному составу. Сроки были очень сжатыми. Завтра утром утверждается план строящихся объектов, и строительство всех объектов будет вестись одновременно.

Основная проблема состояла в том, где брать строительный материал — доски, столбы, гвозди, утеплитель и т. д. Военские склады могли обеспечить нас только зимними палатками и печками-буржуйками. Вся ответственность за обеспечение материалами была возложена на заместителя по хозяйственной части капитана Полищука. Это был толковый, хозяйский человек. Где он брал эти материалы, было известно только ему. Постоянно находясь в разъездах, обеспечивал стройку всем

необходимым. И строительство велось быстрыми темпами. Для сна отводилось всего четыре часа.

Те, кто приезжал со станции, подключались к работе.

Для освещения палаточного городка мы использовали двигатель-генератор, который стоял рядом в кустах. Двигатель работал на дизтопливе и крутил генератор, который давал нам электроэнергию. Данного освещения для стройки ночью было недостаточно. Поэтому, когда становилось темно, ставили автомобили с обеих сторон стройки так, чтобы освещение было в одном направлении, и продолжали стройку.

Все знали, что кому-то придется жить здесь и в холода. Работа на станции и работа в батальоне забирали последние силы. Да еще два раза в неделю ночью приходилось встречать группы, которые прибывали на замену тем, кто вскоре будет отправлен домой.

Следующая поездка на станцию ничем не отличалась от предыдущей. Та же самая работа — заполняли мешки цементом, бегом вверх, укладка в стену, бегом вниз — и так до окончания работы.

В этот раз работа была для нас посложнее. Одна из смен нашего батальона здесь уже потрудились, и нам приходилось выкладывать стену под потолок. Мешки подымали на высокие столы (козлы), а там группа укладывала их в стену. Получилось две стены на расстоянии полутора метров друг от друга, которые закрывали пролом в стене. Через два дня провели туда шланги и залили бетон. Получилась стена с учетом мешков толщиной в два с половиной или три метра. В транспортный коридор постоянно по очереди заезжали бетоновозы и сливали бетон. Это был живой конвейер. Бетоновозы нам постоянно встречались в пути. Сколько было залито бетона в четвертый блок, трудно даже предположить.

Прибыла со станции вторая смена. Работали они на крыше четвертого реактора. Оттаскивали радиоуправляемый трактор, названный нами «луноход», от края крыши. Часть крыши четвертого реактора была цела со стороны третьего реактора. Трактор этот чуть не упал. Подобной работой приходилось заниматься часто. В этом тракторе выходили из строя печатные платы — не выдерживали столь высокого уровня радиации и сгорали, в результате чего трактор становился неуправляемым.

Дни шли своим чередом в трудах и заботах, похожие один на другой и чем-то отличающиеся, что остается в памяти. Прибыла смена со станции и люди сказали, что не хватило рабочих рукавиц, — обычные брезентовые рукавицы. Это был уже не первый случай, когда работали голыми руками — без средств защиты. Имели полное право отказаться от работы и никто не мог бы их заставить. Но они работали. Прямой контакт радиоактивной пыли и радиоактивных предметов с кожей был недопустим. Мне уже приходилось докладывать в штаб и настаивать на том, чтобы

такое не повторялось. В этот раз рапорт об отсутствии рукавиц на станции написали в первой роте.

Связался со штабом особой зоны № 3, доложил обстановку, которая сложилась во время работы на станции. Ответили, что старший команды докладывал об этом, вопрос будет решен. Но, как показали дальнейшие события, подобное становилось уже проблемой. Мне пришлось поехать в штаб особой зоны № 2. Мы подчинялись ему по месту дислокации (расположению) батальона. Там встретился с вновь прибывшим на место службы начальником политотдела особой зоны №2 полковником Дехтяренко. Объяснил ситуацию, для подкрепления сказанного показал рапорт от офицера из первой роты. Он пообещал помочь и попросил оставить ему рапорт. На этом мы и распрощались.

Со станции прибыла смена. Сообщили печальную весть — разбился вертолет, который летал над станцией и проводил дезактивацию территории.

Экипаж погиб. Лопасты вертолета коснулись троса крана, который стоял возле четвертого реактора. Мы, конечно, все переживали этот трагический случай.

Опять приходится встречать вновь прибывших воинов для замены, а значит — ночь без сна, да уже привык спать по три, четыре часа в сутки. Наверно, человек может держаться на своей силе воли и силе духа, но как долго, — этого никто не знает. В штабе работа идет полным ходом. Писари делают записи в военных билетах тем, кто сегодня уезжает. Указывают, согласно приказов, срок пребывания, ставят дозу облучения согласно накопительной ведомости. Комбат расписывается и ставит печать. Заместитель командира по финансовой части выдает справки по оплате. Уезжающих строим перед штабом, вручаем документы, благодарим за службу, прощаемся. Люди садятся в машину и отправляются к местонахождению автоколонны. Этой же ночью их увезут в пересыльные пункты, где они переодевались в военную форму, оденут свою гражданскую одежду и разъедутся по домам.

Проверяем вновь прибывших согласно списка и военных билетов, провожу с ними беседу. Командиры рот определяют в свои роты согласно штатного расписания. Работа вроде бы закончилась, а на небе уже появляется заря. Начинается новый день, а значит, и новые заботы.

На следующий день командира батальона и меня вызвали в штаб на станцию. Совещание было, как всегда, коротким. Нам довели к сведению, что если не снизятся уровни радиации, под вопросом стоит выселение города Киева. «А это многомиллионный город... Все зависит от вас. Мы знаем, что вы и так работаете на грани возможного. Это не приказ, а информация для вас. Увеличить количество работающих в помещениях реактора нельзя — будут мешать друг другу. Значит, работа будет продолжаться теми же силами, то есть только вашим батальоном. Как можно сделать больше работы в единицу времени при таком быстром темпе

работы, как у вас, мы то же не знаем. В общем, от вас зависит — будут выселять г.Киев или нет. Если уровни радиации упадут, то вопрос о выселении отпадет...» Это был август-месяц.

По прибытии в батальон командир довел эту информацию всему личному составу.

В 4 реакторе шли какие-то свои, закономерные только для него процессы. В очередной раз, когда мы приехали на станцию, нас не допустили к работе. Был на реакторе выхлоп, уровень радиации резко повысился. Такое явление периодически бывало и раньше. Жаль было, что машины сразу уехали на отстой со станции и мы не успели их остановить, чтобы уехать в батальон. Поэтому нам пришлось находиться четыре часа в помещении станции. Никто не имел права находиться вне помещения — такой был приказ по станции. Вторая смена нашего батальона в тот день уже работала.

Служба в батальоне идет своим чередом. Одни уезжают, другие приезжают на их место, чтобы со свежими силами выполнять эту тяжелую работу почти круглосуточно. Ознакомившись с распорядком службы в батальоне, работой на станции, сразу же вливаются в коллектив и становятся как одно целое.

Каждый раз, когда мы уже были в батальоне, возвращаясь из душа после очередной поездки на станцию, шли через луг, где были установлены ворота для футбола, но в футбол так ни разу и не играли. Во-первых, у всех болели головы, была сильная слабость, иногда подташнивало, особенно — на станции. Во-вторых — не когда играть — постоянно работа. В-третьих — чтобы не дышать радиоактивной пылью. Пока шли по лугу, это были минуты личного времени, когда можно было подумать о чем-то другом, кроме работы. Вспомнил, что долго нет ответа на мое письмо. Сержант секретной службы штаба тоже жаловался, что нет долго ответа. До аварии он работал шахтером. Сегодня надо написать короткое письмо, о том, что доехал, и все. На верное, письма проверяют и поэтому не все доходят.

Мягкая зеленая трава расстилалась под нашими ногами. Шагов почти не было слышно, лишь изредка высокие стебельки растений хлестали по голенищам сапог. Аромат луговых трав и цветов пьянил. Яркое светило солнце. Воздух был хорошо прогрет и, вдыхая его полной грудью, чувствовали его теплоту и аромат. Казалось, он наполнял нас какой-то энергией. Лучи как будто ласкают тебя и усыпляют, не было слышно ни дуновения ветерка. Мягкая теплая дымка простиралась вдаль по лугу, и деревья стояли, словно замороженные этой красотой и какой-то таинственной силой. Но чего-то не хватало в этой природе, чего именно — трудно было понять. Эта мысль у меня появилась с самого приезда. И только сейчас я понял, чего не хватает в этой удивительной природе — нет птиц, не слышно их голосов, безмолвствует без них воздух. Они улетели из этих радиоактивных мест. И еще одно наблюдение — не видел людей, которые бы улыбались. И это была дисгармония в природе. Авария наложила здесь на всех свой отпечаток.

Стук топоров, молотков прервал мои мысли. В батальоне кипела работа. Было уже время обеда. Чтобы не прерывать работу, роты на обед и ужин ходили по очереди. Все проходило быстро и организованно. И, глядя на масштабы и темпы стройки, организацию работ, подумал, что все могут делать воины, призванные из запаса. Жизнь их многому научила. Почему-то сравнил с солдатами срочной службы и подумал, что они строили бы все это, наверное, целый год.

Пообедав, мы подключились к работе. Каркасы нескольких палаток стояли в одном ряду. Со всех сторон прибывали доски — снаружи и изнутри. Между досками в стену засыпали смесь опилок и песка, затем утрамбовывали. Оставляли проемы для окон и дверей. Внутри укладывали пол, ставили печь-буржуйку. Снаружи натягивали зимнюю палатку, внутри она утеплена тканью из серой верблюжьей шерсти. Получался очень хороший и теплый домик. Мне пришлось встретиться на военной кафедре в сельхозакадемии офицера, который был в этом батальоне в зимний период. Он говорил, что палатки сделаны на совесть — было тепло, даже поблагодарил. Примерно так строили клуб, столовую. Проблем больше возникало при строительстве овощехранилища. Оно было больших размеров и надо было много бревен для стен и наката (потолка). На половину овощехранилище было в земле. По бокам и сверху насыпали землю и обложили дерном.

Так и шли дни в напряженной работе. Однажды подходят ко мне двое сослуживцев и уточняют, действительно ли нам не будут оплачивать работу на станции в выходные дни? Уточняю, откуда у них эта информация. Говорят, так поступили в двадцать пятой бригаде. Пусть нам вообще бы не платили, но если платят, то чем работа в будний день отличается от работы в выходной день. Говорю, что этого не должно быть, но информацию проверю.

Нужно было нейтрализовать информацию, а если она подтвердится, выйти на ее источник.

Ведь самое главное в любом коллективе — моральный дух, дисциплина. Это особенно касается военных формирований. Если возникли какие-то проблемы по дестабилизации дисциплины, то никакие приказы не смогут восстановить первоначальный порядок, пока не будет нейтрализован источник.

Поговорив с командиром батальона, отправляюсь на машине в двадцать пятую бригаду, к нашим соседям, которые стояли справа от нас через луг примерно за пять-семь километров. По дороге на станцию мы всегда проезжали мимо них.

На контрольно-пропускном пункте представился и доложил о цели прибытия — в штаб бригады. Но прежде чем с этим вопросом идти в штаб, уточнил на месте. Информация подтвердилась. В штабе сказали, что есть секретная директива, которая находится в штабе Министерства обороны по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Этот штаб находится в городе Чернобыле, в здании бывшего

Горкома партии. Нужно было возвращаться в батальон за секретчиком. Мне не дадут секретные документы для ознакомления, так как у меня нет допуска.

Приехал в батальон, доложил обстановку комбату, считая, что это дело откладывать не надо.

Вместе с секретчиком штаба батальона, а у него есть допуск к секретным документам, едем в город Чернобыль. По дороге он мне рассказал, что все еще нет ответа из дома. Сам он был из шахтерского края. Отправил письмо давно, скоро, наверно, придется уезжать, а ничего не пишут. Посоветовал ему не писать, где и как работаем, какие уровни радиации, сообщить только, что доехал хорошо.

Точно так приходилось говорить вновь прибывающим в батальон, исходя из собственного опыта. Ответ на второе письмо пришел тогда удивительно быстро. Первое мое письмо так и не получили.

Штаб нашли быстро — он находился в центре города. В штабе все были в звании старших офицеров, начиная от майоров и заканчивая генералами. Мы представились и изложили причину приезда. Через некоторое время вышел майор финансовой службы. Сообщил, что есть секретные директивы и их нужно выполнять. Мы, конечно, хотели их изучить. Майор сказал, что для этого нужен допуск к секретным документам. Узнав, что он у нас есть, — майор, похоже, был не доволен таким ходом событий.

Зашли в секретную часть, предъявили допуск. Майор назвал номера директив и нам их выдали для изучения без права выноса из секретной части. Майор ушел по служебным делам. Мы начали изучать эти секретные материалы. У нас было три директивы. В каждой из них печатного текста — примерно четвертая часть стандартного листа. Мы прочитали их несколько раз, но никакого смысла в них не было. Какая ставилась цель этими директивами, то же было непонятно. Это противоречило всякой логике и стилю изложения, тем более, военных документов. Секретчик сказал, что какой-то дурак писал, здесь все приблизительно сказано и о чем-то о другом. В общем, мол, разбирайтесь сами — мне этого не понять.

Мы на минуту отвлеклись от документов, что бы мозг немного отдохнул. Директивы мне пришлось просто выучить. Вначале с выводами секретчика можно было согласиться, но в дальнейшем, изучая стиль их на писания, метод изложения материала, начал приходить к выводу, что их писали или писал очень умный человек. В изложенном материале были закономерности. Во-первых, одна директива постепенно как бы входила в другую, вторая в третью, а третья — в первую. Получался замкнутый круг, не было смысла сказанного, четкости, и не возможно было сделать вывод из прочитанного. Во-вторых, слова в предложениях были подобраны и расставлены так, что они создавали трудность в понимании смысла изложенного. В-третьих, при замене местами в предложении, например, даже двух слов — менялось само понятие, смысл предложения. Поэтому

запоминать нужно было слово в слово. Изучив и запомнив эти директивы, мы их вернули и ушли на поиски майора. Он по-прежнему ссылался на номера директив, но поняв, что они выучены наизусть, сделал вид, что сдался. Но сказал нам, что нужно поговорить с генералом. Майор зашел к генералу и через пять минут вышел в коридор. Почти сразу меня вызвал генерал.

Захожу в кабинет, спрашиваю разрешение, представляюсь. Освещение в кабинете недостаточное, явно не хватает дневного света. У окна стоит генерал-лейтенант и сразу же громовым голосом без всякой подготовки: «Замполит, ты что, не понимаешь политику партии и правительства, ты что...?» Во время этого громогласия он подошел к столу, выпрямился, как бы потягиваясь и показывая свою значимость (генерал-лейтенант против лейтенанта, что, какие здесь могут быть возражения?).

Теперь лицо его хорошо было видно — оно было землистого цвета, уголки губ были опущены. Подбородок, крупные черты лица — все это говорило о самонадеянности и самозначимости, с которыми все привыкли считаться и другого мнения быть не должно. Он относился к такому типу людей, которым нужно доказывать смело, уверенно, четко и громко.

Так и поступил. Обращаясь к нему, сказал, что мне нужно четко и ясно довести до личного состава батальона, почему выходные и праздничные дни не будут оплачиваться. В директивах об этом не написано. Если личный состав в выходные дни откажется ехать на станцию, то под военный трибунал придется идти мне, а не кому-то другому. И чтобы такого не случилось, мне нужна четкость и ясность в этом вопросе. И кто дал право таким образом приостанавливать ликвидацию в выходные дни?

В кабинете воцарилась тишина. По выражению его глаз было видно, что он не ожидал такого разговора. И уже другим, обычным, но все же раздраженным голосом сказал, чтобы вызвали майора. Майор стоял в коридоре с секретчиком, что-то обсуждали. Как только мы зашли к генералу, он отдал приказ, чтобы майор ехал с нами в батальон и довел на словах всему личному составу эти директивы. Мне не хотелось вести в батальон этого майора, который посеет только смуту среди личного состава. Но что делать — приказ есть приказ.

На территории батальона около штаба была сделана площадка для собраний личного состава. Для выступающих — невысокая сцена из досок, а полукругом стояли скамейки.

Командиру батальона доложил о результатах поездки. По громкоговорителю объявил о сборе личного состава. Всем представил майора. Слушали его выступление (если можно это так назвать) с полным отсутствием умения говорить перед аудиторией, общаться с людьми. И воины, которые своими руками выгребают радиоактивный мусор, моют швабрами, тряпками с дезактивирующим

раствором полы и стены по несколько раз — а это гектары вымытой площади, — должны слушать жалкий лепет майора финчасти, который выполняет устные указания по экономии средств. Подобную экономию можно понять для других войсковых частей, которые работают вдали от станции — в селах, в лесу, в банно-прачечных комбинатах и прочее, но нельзя трогать тех людей, которые работают в эпицентре взрыва, ведь саркофаг еще не закрыт. Или вообще не платили бы, ведь никто не знал, что здесь будут платить за работу.

Выступление майора как будто сводилось к стремлению деморализовать личный состав, развалить коллектив, внести неясность и возможный отказ от выезда на работу в выходные дни, — это говорю без преувеличения.

Со всех сторон начали поступать вопросы. Затем по одному и по несколько человек стали подходить к майору и задавать один и тот же вопрос:

— Какая разница — едем работать в воскресенье или в понедельник? Если оплачивается работа в будни, то почему не оплачивается в воскресенье?

Майор отрицал оплату в выходные и праздничные дни. Многие начали доказывать, что он не прав. Некоторые начали уже активно жестикулировать, видя в нем основного виновника. Пришлось вмешаться в ситуацию, чтобы она не вышла из-под контроля. Успокаивая людей, я пробрался через их плотное кольцо к майору и сказал, что ждет машина и ему надо срочно ехать. Мне хотелось срочно вывезти его за пределы части. Возле машины мы расстались, и я попросил, чтобы он к нам в часть больше не приезжал. Назначил офицера старшим машины, поставил задачу — отвезти майора в штаб Министерства обороны по ЧАЭС в г. Чернобыль и прибыть в часть. Позвонил на КПП (контрольно-пропускной пункт) части, чтобы выпустили машину.

Пришлось выступать теперь мне, разъяснить ситуацию, делать выводы. Обстановку удалось, хоть и не полностью, но нормализовать. Занялись опять стройкой. Обсуждения по этому вопросу среди личного состава, хоть уже в меньшей мере, но продолжались и на следующий день. За работой все постепенно забылось, тем более что выходные дни ничем не отличались от рабочих. Справки о зарплате выдавались как и раньше.

Однажды пришла телефонограмма. Командира батальона и меня вызывают в штаб второго сектора в село Терехи. Штаб находился в школе. Ему мы подчинялись по месту дислокации батальона. Посоветовавшись с комбатом, решил не ехать — работы здесь, в батальоне, очень много, а по опыту уже знаем, что вопросы будут именно по подготовке к зиме, комбат в курсе этих дел. Другое дело — если совещание в штабе на станции, то мне там быть обязательно.

Когда вечером комбат вернулся с совещания, как-то загадочно говорит, что он старается тут в батальоне, а все лавры отдают замполиту, и вручает мне

благодарность участнику ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС за подписью начальника оперативной группы особой зоны генерал-майора И. Лимаренко и начальника политического отдела особой зоны полковника Кушнера. Оказывается, наш батальон занял второе место в социалистическом соревновании.

Мы сразу же высказали свои соображения: интересно, как они подводили итоги — по гектарам вымытых площадей, по тоннам убранного радиоактивного мусора? Кто это может знать и с кем нас сравнивали? С тех пор как получили приказ по подготовке к зиме, мы ни разу не давали батальону команды на построение, чтобы не отрывать от стройки. Но этим вечером построили и комбат сообщил, что батальон занял второе место в соцсоревновании, поблагодарил за службу. Мы вручили от батальона грамоты и благодарности особо отличившимся. Хотя отобрать лучших всегда было трудно — все работали с каким-то удивительным упорством и настойчивостью, — какая-то энергия — двигала этими людьми. Мне никогда больше не приходилось видеть такого патриотизма. Конечно, они все были достойны орденов и медалей, но нам орденов не давали.

В который раз к нам в батальон приехали медсестры военного госпиталя брать кровь из пальца для анализа. Привезли анализы крови, которые делали раньше. Говорят, что у всех все нормально.

Многие скептически к этому относятся. Действительно, все ли хорошо? А постоянные головные боли, покраснение открытых участков тела при работе на станции, слабость, першение и сухость в горле, сильная усталость, утомляемость? Разве может при этом быть нормальный анализ крови? Но в нашем государстве, оказывается, может. Точно так же, как не доходят письма с правдивой информацией домой. Как не сообщили вовремя людям об этой аварии и они гуляли на Первомайские праздники по г. Киеву. Точно так было по всей стране. Поэтому никто не верит уже показателям крови. Как показали дальнейшие после аварии годы, мы, воины-ликвидаторы, никому не нужны и государство от нас избавляется морально и физически. Морально — есть закон о Чернобыльской катастрофе, где указаны льготы, но их никто не предоставляет, — чем создается моральное подавление личности. Физически — в больницах на лечение не выдают бесплатно лекарства согласно данному закону и Конституции Украины. Пенсии до 2006 года чернобыльцам не повышали и они в несколько раз меньше, чем у госчиновников и других категорий граждан. Большинство получают минимальные пенсии. Для наших детей обучение платное, хотя в Конституции Украины (ст. 49 и ст. 53) записано, что образование и медицина бесплатные. Мы не можем себе позволить хорошо питаться и отдыхать. Нам не всегда выдают путевки для санаторно-курортного лечения. Нет достойной помощи со стороны государства. Доходы на членов семьи гораздо ниже прожиточного уровня. Из-за потери здоровья мы не можем обеспечить свои семьи достойным уровнем жизни. И что это за формулировка — прожиточный минимум, придуманная какими-то чиновниками? Пусть на этот минимум попробуют прожить те, кто принимает такие законы. Это просто

издевательство. Точно в таком же положении и участники боевых действий относительно медицины, и пенсий. Люди прошли войну, а получают пенсии в несколько раз меньше, чем те, кто сейчас спокойно отслужил в армии и ушел на пенсию. Офицер, который воевал, получает пенсию в несколько раз меньше, чем офицер, который не воевал. Это дискриминация. Не может государство развиваться, если такое презрение к его спасателям. Только в 2006 году увеличили пенсии чернобыльцам к 20-летию аварии на ЧАЭС — к этой трагической черной дате, до которой многие не дожили.

Работа в батальоне уверенно продвигалась вперед. Чего-то иногда не хватало, но выход всегда находили. Подумал — вот что значит военнообязанные, призванные из запаса. Это имеет большое значение — все когда-то отслужили срочную службу, имеют гражданские специальности. Мастера на все руки.

Палатки, в которых мы спали, теперь казались маленькими по сравнению с построенными зимними палатками. А построили мы только половину всех палаток. Предстояло еще много работы.

Опять к нам в батальон прибыл сотрудник особого отдела. Автомобиль ГАЗ-69 он, как всегда, оставил в кустах, не доезжая до нашего КПП (контрольно-пропускного пункта), чтобы его не могли заметить.

Затем обходным путем проникал на территорию батальона. Он и раньше к нам приезжал. За ним закреплено несколько войсковых частей и периодически ему приходится приезжать, затем делать отчет своему начальству. На этот раз мне почему-то сразу же сообщили о его прибытии. Раньше никогда не сообщали. Хотя мы и заняты все стройкой, но появление другого человека в батальоне сразу же заметили. Еще сообщили, что это работник крупного завода г. Киева. Его уз нал один из нашего батальона. Как и обычно, он ходил по территории нашего батальона, разговаривал с личным составом. Мы раньше не обращали на него внимания. Никто не хотел отвлекаться от работы, поэтому было не до разговоров. На этот раз он впервые захотел поговорить со мной. Поинтересовался, какое настроение у личного состава, что новенького (как будто мне известно, что он знает, а что еще не знает). Он своей манерой поведения, общением, не располагал к себе людей. Поэтому разговоры были непродолжительными.

Поездки на станцию ничем не отличались одна от другой, кроме как выполнением работ — то на третьем, то на четвертом реакторах. Дорога была утомительной — два часа едем на станцию, два часа возвращаемся в батальон. Конечно, были в дороге и неприятные ситуации. Ехали на станцию в первую смену. Подъезжая к г. Чернобыль, поворачивали влево и, не въезжая в город, ехали на станцию. Дорога полита водой (поливочные машины работали почти постоянно), впереди уже показалась станция. Вдруг видим по левую сторону от дороги, в кювете, лежит перевернутый бронетранспортер БТР-60 ПБ. Стало тревожно: что с экипажем и

сколько людей было в нем. Ведь это травмы, ушибы... Мы, не останавливаясь, едем на станцию, чтобы не терять драгоценное для них время. Сразу же сообщим о случившемся. Оттуда приедут врачи и окажут помощь, — так будет надежнее, да и станция рядом. Если бы это случилось вдали, то нам пришлось бы заниматься этим вопросом. Чем ближе подъезжаем к станции, тем сильнее у всех нас начинает проявляться боль в глазах. Появляется сухость, как будто вообще отсутствует смазка (слезы) на глазном яблоке. Ощущение в глазах насыпанного мелкого песка. Приходится жмуриться и часто моргать.

При подъезде к станции справа на большой территории находятся котлованы и заложены фундаменты под реакторы. Стоят большие таблички — строительство пятого энергоблока, шестого энергоблока, седьмого энергоблока, восьмого энергоблока и дальше фундаменты без табличек, как какое-то кладбище будущих источников опасности, захороненных еще в самом зародыше. Далеко просматривается эта гигантская стройка, которая была остановлена такой большой ценой. Сколько еще таких гигантов-реакторов стояло бы, никто не знает.

В штабе доложил об увиденном происшествии. На сегодня получен приказ — уборка радиоактивного мусора и дезактивация помещений четвертого реактора, а тридцать человек будут снимать верхний слой грунта возле четвертого реактора. Подходим к АБК-2. Бронетранспортер уже стоит. Когда переоделись, группу из тридцати человек делю по десять, назначаю старших групп. Дозиметр есть на БТРе. Первая группа из десяти человек уезжает на работу, остальные две ожидают в помещении, за тем меняются. Мы, основная группа из пятидесяти человек, уходим на четвертый реактор.

Путь выбрали самый короткий, хотя здесь и большее облучение. Нет уже сил бегать через третий реактор, нужно сохранить их для работы. Территорию от АБК-2 к третьему и четвертому реактору оградил колючей проволокой, оставив место для входа.

На этот раз состав дезактивирующего раствора изменен. Это чувствуется и по запаху, и по моющим свойствам, да и цвет вроде бы розоватый. Наверно, какой-то научно-исследовательский институт внедрил свою разработку.

Работали одновременно двумя группами. Одна группа убирала мусор, вторая проводила дезактивацию помещений. Опять возникла та же самая проблема. Резиновые перчатки использовались многократно. Это были обычные резиновые перчатки, которыми пользуются электрики. Рука свободно туда входила. Некоторые уже имели разрывы, проколы. Опять в штабе на станции надо будет доказывать необходимость в обеспечении новыми перчатками. Дезактивацию провели несколько раз. Уровни радиации снизились. Все мокрые от пота и дезактивирующего раствора. Вторая группа закончила выносить радиоактивный мусор. Возвращаемся в АБК-2. Очень устали и не можем идти даже быстрым шагом

— нет сил, — а не то чтобы бежать. Высокие уровни радиации и быстрый темп работы полностью выматывают людей. Человеческий организм не успевает восстанавливать силы даже частично. Сразу видно, кто и где работал. Одни все в пыли, другие все мокрые. Третья группа еще не вернулась от четвертого реактора. Сбрасываем грязную одежду, принимаем душ, переодеваемся. Ждать третью группу пришлось недолго. Закончили одну работу, впереди поездка по нашим дорогам и опять работа в батальоне.

Ночью прибыла замена. На этот раз впервые отправка произошла с разговорами на повышенных тонах. Заместитель командира батальона по финчасти не торопился выдавать справки по оплате отъезжающим. Он начал жестикулировать, объяснять с криком, что у него глаза уже не видят и не может даже писать, и чтобы все от него отошли. Конечно, сказывается на нервах непрерывная работа, постоянные недосыпания, что и проявилось у нашего начфина. Это был единственный случай такого поведения человека в нашем батальоне. Возможно потому, что он был в батальоне продолжительное время, и замены пока ему не было. Все это происходило в офицерской палатке. Я сгладил ситуацию, пообещав днем поговорить с ним серьезно.

В штабе шла напряженная работа. Делали записи в военные билеты, выдавали справки и карточки учета доз радиоактивного облучения согласно накопительной ведомости.

Работники штаба, как и все в батальоне, ездили на работу на станцию. Если не ездить, то надо было служить в батальоне сто восемьдесят суток — это полгода. На такой срок отправляли нас райвоенкоматы. Поэтому каждый стремился отработать на станции до получения дозы облучения около двадцати пяти рентген и по замене уехать домой.

Через десять минут пришел начфин, молча прошел через штаб, зашел в огороженное в правом дальнем углу штабной палатки рабочее место и начал выдавать справки по оплате. Он здесь служил уже полтора месяца. В батальоне служили, в основном, около месяца. При такой работе на станции и в батальоне, постоянном недосыпании организм человека больше месяца мог просто не выдержать. Произошел бы или нервный срыв, независимо от сознания человека и понимания происходящего вокруг, или наступило бы полное истощение организма. Это и произошло, наверное, с начфином.

Ко мне подошел полковник и сказал, что он из особого отдела. Это был человек не высокого роста с приятными чертами лица, приятным голосом. Чувствовалось, что он умел располагать к себе людей и имел большой опыт работы. Показывая глазами на начфина, поинтересовался: «Что, он всегда у вас так себя ведет?» Отвечаю, что в батальоне впервые такой случай, наверно, нервный срыв от работы и недосыпаний.

Полковник сделал понимающее выражение лица, слегка кивнул и больше ни о чем не спрашивал.

Днем мне пришлось поговорить с начфином. Разговор состоялся в ленкомнате — это была отдельная палатка. С его стороны чувствовалось полное раскаяние за такое не достойное поведение.

Весь день и часть ночи прошли в трудах на стройке. Что заставляло людей так трудиться, не ответит ни один психолог, если он сам не прошел через этот период в своей жизни. Да никто теперь и не поверит, а если и поверит, то посчитает нас ненормальными. Просто на тот период времени были другие ценности и другое воспитание. В настоящее время такой трудовой подвиг уже не повторился бы. А этому пусть не предшествуют такие катастрофы.

Следующая поездка на станцию ничем не отличалась от других. Предстояло работать на третьем реакторе. В штабе опять напомнили, чтобы дозу облучения ставили уже не более 0,5 рентгена, но при этом выполняли поставленную задачу. Получалось так, что приходилось выполнять объем работы из расчета дозы облучения около двух рентген, а записывали 0,5 рентгена. Объясняли тем, что приходится часто менять личный состав и облучается большое количество людей. Выходило, что мы должны еще больше переоблучаться, так как чтобы набрать до двадцати пяти рентген, теперь надо ездить на станцию примерно в четыре раза больше и за счет оставшегося своего здоровья сохранять здоровье многих людей, которые бы попали на наше место. Если смотреть с личной точки зрения, — это было вредительство и пренебрежение по отношению к нам. Если смотреть в масштабах государства, то это был один из выходов, чтобы меньше людей прошло через эпицентр взрыва и получило такое сильное облучение, как нам приходилось получать.

Мы все это прекрасно понимали, жертвовали собой ради спасения других. Только с года ми, когда видишь со стороны госчиновников пренебрежительное, высокомерное отношение к нам, задумываешься — а правильно ли мы тогда делали, что так работали и жертвовали собой? Ведь народ ничему не научился. Даже взрыв атомной станции его не научил. Сотни тысяч людей считаются ликвидаторами. Одни только заехали в тридцатикилометровую зону и выехали, другие им давали для отметок свои командировочные, а сами не выезжали из г. Киева. Поэтому многие имеют незаслуженно удостоверения ликвидаторов. Но прихожу к выводу: если не мы, то кто бы ликвидировал последствия этой аварии? Нас на станции за период от момента взрыва до закрытия саркофага — за семь месяцев — прошло примерно около двадцати–сорока тысяч: пожарники, вертолетчики, станционники, а также воины, призванные из запаса. Сейчас осталось в живых 25%, то есть около пяти — десяти тысяч. Откуда сотни тысяч ликвидаторов? Чернобыльский закон принят для начальников. И они им пользуются в полной мере. А для нас этот закон как будто и не существует.

И как могут люди считаться ликвидаторами даже в течение пяти лет после аварии, если здание 4 реактора закрыли саркофагом в 1986 году?

Привожу примерный количественный состав ликвидаторов, которые работали на станции с момента взрыва до закрытия саркофага в 1986 г. — период ликвидации аварии (7 месяцев), а так же подразделения, которые непосредственно участвовали в ликвидации:

Пожарники	300
Воины запаса	
Наш 731спецбатальон 400 чел. x 7 мес.	2800
Батальон, который возводил саркофаг и другие военные	2800
25 бригада	5000
Отряд полка ГО	200
Вертолетчики	1000
Солдаты срочной службы	100
Милиционеры оцепления и спецслужбы	1000
Гражданские, которые занимались саркофагом и другой работой	2000
Шахтеры	400
Водители-бетоновозы	500
Станционники (работники станции)	10 000
Штаб опергруппы особой зоны №3 (находился в админздании станции)	50
Итого:	26 150 чел.

Пусть будет даже 30–40 тыс. человек. Нас было 4 заместителя командира батальона, в живых к 2009 г. остался один (25%). Столько же осталось в живых и личного состава батальона (25%).

Примерно также и по количественному составу всех подразделений, так как все работали в этот период возле 4 реактора при облучении в десятки и сотни рентген. Итого, в стране примерно 5–10 тыс. ликвидаторов. Периодом ликвидации последствий аварии надо считать время от момента взрыва и до закрытия саркофага, а ликвидаторами — тех, кто в этот период работал на станции, остальные — пострадавшие.

Входим в здание 3 реактора, личный состав остался на отметке, а мы с дозиметристом отправились еще выше. Перед нашей командой стояла задача — делать дезактивацию почти на самой верхней отметке. Открыв дверь, входим в большое помещение. Слева еще двери, ведущие в небольшие помещения. Чуть правее помещение постепенно переходит в коридор. Стрелка прибора начала зашкаливать. Дозиметрист переключает прибор на следующую градуировку шкалы

— то же самое, стрелка отклонилась вправо до конца. Замеры в разных местах различные — семь, десять рентген в час. Мы продвигались к коридору — уровни резко повышались. Дальше по коридору пройти нельзя. Путь нам преградила металлическая решетка. Она была ржавая, сварена из арматуры и других подручных средств. Было понятно: она установлена после аварии, чтобы случайно никто не прошел в этот коридор. Запомнилось, что коридор имел поворот влево и оттуда освещался дневным светом. Стрелка прибора опять зашкалила.

Переключили тумблер прибора на следующую градуировку шкалы. Уровень радиации был высоким. Из коридора тянуло свежим воздухом. По карте он вел в четвертый реактор. Решетка на карте не была показана. Подсчитали средний уровень радиации и время работы из расчета 1,95 рентгена на человека, но нам главный рентгенолог станции впишет своей рукой по 0,5 рентгена. Если бы расчет мы делали по 0,5 рентгена на человека, то работали бы в четыре раза меньше по времени. Во-первых, не выполнили бы объем работ, поставленный перед нами; во-вторых, сколько могли бы сделать за время в четыре раза меньшее, только ездить на станцию, и все? А объем работы необходимо выполнять. Вот в такие рамки мы были поставлены.

Команду пришлось разделить на две группы. Работать будут по очереди. Врач нашего батальона Пиньковский будет работать с первой группой, затем будет находиться на лестничной площадке, чтобы меньше облучаться. Ведь ему нужно находиться здесь, пока не отработает и вторая группа этой смены. В санитарной сумке находились все медикаменты для оказания первой необходимой помощи. Врачи смен принимали активное участие в работе с группой. Здесь были все равны.

Вбегаем в помещение — отсчет времени, отведенного на работу, пошел. Закончив работу, мокрые, спускаемся бегом вниз. Вторая группа бегом поднимается вверх и делает ту же работу — моет стены, полы. Закончив работу, организованно все вместе возвращаемся в АБК-2.

И все повторяется, как и обычно — снятие грязной одежды, душ, одеваемся в свое обмундирование и идем на площадку к админзданию. Отчитываюсь в штабе о проделанной работе и уезжаем в батальон.

Что-то к нам часто начали приезжать из военного госпиталя и брать кровь на анализ. Привезли показатели крови, которые брали раньше. Результаты удовлетворительные, и это вызывает удивление. Симптомы у всех одинаковые — головные боли, першение в горле, слабость, утомляемость, сильное покраснение открытых участков кожи при работе на станции, сухость в глазах. Некоторые спросили медиков по интересующим их вопросам — и опять за работу. Желающих сдавать кровь становилось меньше — дело было добровольное.

Работа уверенно продвигалась вперед. Больше всего сил забирало строительство овощехранилища. Здесь использовали только бревна. Выгружали эти бревна с

машин, топорами их очищали, отпиливали по размерам, переносили и вертикально устанавливали в стены, а также делали из бревен потолок. Бревен нужно было очень много. Труд был тяжелый.

До этой стройки было легче — после работы на станции можно было отдохнуть в батальоне. И все же мы выдерживали такой темп жизни. С годами, вспоминая эти трудовые будни 1986 года, все же говорю: «Как прекрасна ты, молодость, своей энергией, силой, мощью». Ведь спали по четыре часа, остальное время — на работу в батальоне и на станции, где уровни радиации измерялись в десятки рентген, дорога тоже забирала силы. Наверно, тем и прекрасна молодость, что все можно выдержать.

Ночью уезжает небольшая группа, им приходит замена. Мне это запомнилось потому, что их называли счастливыми — они отработали всего семнадцать дней. Все говорили, что им повезло с заменой. Замену провели по отработанной уже системе. С самого вечера у нас в батальоне присутствует подполковник Тимченко — политработник опергруппы особой зоны №3. В работу батальона он не вмешивается, находится как наблюдатель. Все, кто к нам приезжал, не вмешивались в жизнь нашего батальона. Может быть, потому, что у нас все было отлажено, видели этот напряженный трудовой ритм, который был на пределе человеческих возможностей.

Тяжелая, почти непрерывная работа, да еще и радиация, накладывали отпечаток на всех нас. Видно было, что люди работали из последних сил. Их не покидал дух трудовой борьбы, они знали, что героическая работа на станции спасает человечество, а в батальоне — таких же ребят, которые приедут им на замену и будут спасены от холода в зимнее время. Человеческим возможностям нет предела, но если сила духа отсутствовала в человеке, то он становился слабым, немощным, подобно воску или пластилину, из которого можно лепить все, что угодно. Сила духа у некоторых исчезала из-за неопределенности в личной жизни, например — нет из дома писем и т.д. Среди нескольких сотен работающих эти люди всегда выделяются — они подавлены, все у них валится из рук, рассеянны и т. д.

Приходилось их сразу же вычислять, уводить в ленкомнату и в доверительной беседе узнавать причину такого состояния. Это был один из методов работы с личным составом. В жизни всегда лучше предотвратить, чем пожинать плоды случившегося. В палатке в спокойной обстановке спрашивал и записывал все его данные — фамилия, взвод, рота. Как дела у него дома, все ли хорошо, пишут ли письма и т. д. Создавать нужно доброжелательную беседу, искренне проявлять интерес к той теме, которой собеседник уделил внимание (это может проявиться в интонации голоса, выражении глаз) и вести беседу в кругу его интересов. Всегда людей затрагивает и они начинают быть откровенными, когда доброжелательный разговор ведется о семье. И на этот раз беседа проходила по привычному сценарию. Главной причиной, как обычно, было отсутствие писем из дома. Было

понятно: написал подробно, вот оно и не дошло. Посоветовал сейчас же в этой палатке написать короткое письмо. Не нужно писать, где работаешь и какие уровни радиации. Приедешь домой, тогда расскажешь. В ленкомнате для этого всегда были чистые листы бумаги и конверты. Не понятно было, зачем нужно уничтожать письма, ведь возвращаются люди домой и все рассказывают. И это были не единичные случаи.

Через несколько дней, когда приходят письма, подходят повеселевшие ребята и благодарят. В глазах видно огонь жизни. Да, человеку порой немного надо, что бы его поддержать, когда он утратил эту силу.

Мне запомнился такой случай. Подходит ко мне один солдат. В глазах его — растерянность и отчаяние, а это самое опасное. В отчаянии человек способен на все — это равносильно тому, когда человеку терять нечего. В беседе выяснилось, что пришло письмо от жены. Пишет — ее с грудным ребенком выселяют из общежития, она не знает, что делать. Вместе идем в штаб. В его присутствии пишу письмо на предприятие, где он работает. Пишу, что он выполняет ответственную задачу партии и правительства (на то время эти слова были доходчивы до руководителей) и пишу второе письмо на райком партии, хотя он и не был членом партии. В верхнем левом углу ставлю штамп, внизу — круглую печать, подписи комбата и свою. Зарегистрировал в журнале исходящей документации и письма положили для отправки. В короткие сроки пришел ответ. В нем сообщалось, что на предприятии решен вопрос с общежитием и там гордятся своим работником.

На другой день пришло ему письмо от жены — все хорошо, их оставили жить в общежитии. Искренние слова благодарности услышал от этого парня. Трудно описать, нужно было просто видеть радость этого человека, желание жить и творить. Он светился внутренней энергией.

Да, человек может быть мягче воска, но может быть и крепче стали.

В очередной раз, когда мы приехали на станцию, в штабе дали приказ — дезактивация помещений первого энергоблока. Это было для нас новостью. Мы никогда еще не работали там, где уровни радиации низкие. Оказывается, на станцию должен был приехать председатель Совета Министров СССР Рыжков Н. И., и ему будут показывать первый энергоблок.

Мы вошли в большое помещение на первом этаже со стороны админздания. Уровень радиации был меньше одного рентгена. Здесь было чисто, дезактивацию проводили, наверное, часто. Пол и оборудование блестели. Работали мы несколько часов без отдыха сразу всей командой, так как помещение было очень большое.

Много было стационарного оборудования — насосы, турбины, трубы и т. д. Мыли и протирали все по несколько раз. Уставшие от работы, мокрые от дезактивирующего раствора и пота, мы шли в АБК-2 помыться и переодеться.

Из Москвы на станцию так никто и не приехал. В батальоне говорили, что они, наверно, радиации испугались.

На совещании в штабе второго сектора, которому мы подчинялись по месту дислокации батальона, была поставлена задача — ускорить строительство объектов в батальоне. Предлагалось это сделать за счет экономии времени нахождения в пути. Нам изменили маршрут движения колонны на станцию и обратно. Поэтому у нас будет больше времени для стройки.

В штабе батальона по карте подробнее ознакомились с маршрутом передвижения. Этот маршрут на станцию пролегал через с.Терехи со стороны четвертого реактора. Установили скорость передвижения для автоколонны. Перед станцией дорога поворачивала вправо, и нужно было ехать около двух километров навстречу четвертому реактору. Здесь скорость установили максимальной, чтобы быстрее проехать этот опасный участок. Нам предстояло сильно облучаться при подъезде к станции со стороны разваленного четвертого реактора.

Дорога по новому маршруту была узкой — это была обычная проселочная дорога. Проезжая сельскую местность, скорость движения мы не снижали, потому что жителей там не было. При выезде из леса на открытый участок находился контрольно-пропускной пункт. Здесь работникам милиции приходилось показывать пропуск, список личного состава и карту передвижения автоколонны. Это, конечно, для нас было потерей времени.

Повернув вправо, мы выехали на открытый участок местности. Вдали была видна станция, а впереди — здание 4 реактора. Глаза опять начали у всех у нас как-то побаливать от отсутствия смазки глазных яблок. Мы увеличили скорость головной машины до максимальной. Чем ближе подъезжали к реактору, тем заметнее становились ужасные последствия катастрофы. Стен реактора с правого его угла не было. Это было какое-то колоссальное нагромождение поврежденных балок, труб и прочего мусора. С внутренней территории станции мы такого еще не видели. Последствия катастрофы были масштабными и страшными. Велись строительные работы.

Слева от нас остались здания четвертого, третьего, второго и первого реакторов, мы уже прибыли на разгрузочную площадку. На этот раз нам предстояло работать в помещениях 4 реактора: уборка радиоактивного мусора в мешки, вынос и загрузка их внизу в контейнеры. Запомнилось высказывание работников станции, которые по карте в помещении реактора показали, где нам предстоит работать. Один из них говорит: «Ребята, куда вы лезете?». Второй добавил: «Смертники вы!».

Посмотрели мы понимающе друг другу в глаза, вышли и по ступенькам бегом вверх на отметку, где нам предстоит работать. Вторая смена будет проводить дезактивацию этих помещений. Радиоактивная пыль частично уже осядет.

В батальон возвращались этим же путем. Проезжая мимо четвертого реактора, мы опустили брезенты на задние борта, чтобы меньше облучаться, и увеличили скорость. Для милицейского поста сначала было непривычно, что началось движение военной техники несколько раз в день по этой спокойной дороге. В основном, проезжал иногда более легкий транспорт. А вся техника двигалась по маршруту, который до этого был у нас: с.Ораное – г.Чернобыль – ЧАЭС. Но потом они уже знали наши машины и где мы работаем, поэтому нас уже не останавливали. Мы только перед их КПП уменьшали скорость движения. Вот так, за счет облучения личного состава, решались другие вопросы.

Облучение в пути нам не засчитывалось, точно так, как и пребывание на станции. Учитывалось только время чистой работы. Этот вопрос мы даже не поднимали — нам было не до этого. Мы жили по закону военного времени. Все знали, что надо отработать и уехать домой, сделав при этом как можно больше работы.

Командир батальона майор Гитуляр собрал офицеров управления батальона в штабе и сообщил, что есть приказ о его переводе для дальнейшего прохождения военной службы и о назначении другого командира батальона. Мне приказал встретить нового комбата. Ехать нужно было в штаб с.Терехи. Но не успел выехать за КПП, как по телефону сообщили, что он находится в КЭЧ и приедет на автомобиле Газ-69. Киевская эксплуатационная часть (КЭЧ) расположена была слева от развилки дорог, которые ведут — одна в г.Чернобыль, а вторая вправо, на Зеленый мыс. Мимо этой части мы всегда проезжали, когда ехали на работу и с работы. На КПП этой части подтвердили, что из штаба прибыли офицеры. Навстречу мне шли трое офицеров. Один из них был наш новый комбат — майор Щербинин. Доложил, что мне поручено его встретить и показать дорогу в батальон.

С прибытием нового командира батальона никаких изменений не произошло, все шло своим чередом. Воинская дисциплина была по-прежнему на высоком уровне.

К нам в батальон привезли индивидуальные дозиметры для измерения уровней радиации. Как потом оказалось — это были списанные, просроченные и нерабочие дозиметры пальчикового типа с прижимом. Каждый должен был его носить. Внутри — шкала и линия показывала уровень радиации. Но ни один прибор не работал — они даже не заряжались, их нужно было вставлять в гнездо этого прибора для подзарядки.

Исправные нам и не могли прислать. Ведь уровень радиации набирался и в батальоне, и в дороге, и на станции, а работать уже было бы нельзя — переоблучение. Поэтому у нас учитывалось только чистое время работы. Если не было поездки на станцию, то учитывалась доза облучения в батальоне. Нам, офицерам, по прибытию в батальон выдавались накопители. Они были меньше спичечной коробки и мы их носили на поясе. Начали их тоже проверять. Ни один не показывает уровень радиации. Двое офицеров были уверены, что их накопители

покажут, потому что им передали по наследству, т. е. те, кто уезжал домой. Тоже ничего не показали, хотя эти накопители были на станции уже почти два срока. Так что уровни радиации, записанные в военных билетах, надо умножать в несколько раз.

Опять прибыл из штаба второго сектора подполковник политотдела, по интересовался, как ведется политработа в батальоне. Мы подчинялись этому штабу по месту дислокации батальона. Ответил ему, что после обеда всегда сообщаю в летнем клубе свежие новости из газет и услышанную по приемнику информацию. Лучших работников поощряем — вручаем перед строем грамоты, благодарности. Пообедав в столовой, он расположился в нашем летнем клубе. Пришлось проводить политзанятия. Когда идет стройка, напряженный ритм работы, отличная дисциплина, — эти политзанятия лишние. Надо всегда смотреть по обстоятельствам. Если бы было свободное время, как до стройки, то другое дело. Он был не из тех людей, которые понимают происходящие события как реальность. Тем более, что он — нечастый наш гость. И чтобы убедился, что здесь проводятся политзанятия, пришлось их провести в надежде на то, что не скоро приедут с проверкой. Ему это все понравилось, начал фотографировать. Подполковник не ожидал, что у нас на таком высоком уровне проходят политзанятия. В следующий приезд он показал фотографии, но на память не подарил. Нам же фотографировать, делать записи категорически запрещалось, поэтому, возможно, так часто к нам приезжали работники особого отдела и политотделов.

Нам ордена не давали

Перед следующей поездкой на станцию я подготовил список для награждения особо отличившихся на станции. На этот раз работа проводилась возле четвертого реактора — снимали грунт, а на крыше третьего реактора — скатывали пленку. Эта пленка при застывании вбирала в себя радиоактивную пыль. Затем ее разрезали на полосы и скатывали в рулоны. В штабе отчитался за выполненную работу. Подаю список для награждения. Еще раз напоминаю, что люди работают не щадя своих сил и здоровья, не обращая внимания на уровни радиации. Они идут по приказу туда, где не было еще человека после взрыва и выполняют поставленную задачу независимо от объема работ и уровня радиации. Выполняют все бегом, чтобы успеть больше сделать. Отстояли г. Киев, — теперь уже закрыт вопрос о его выселении. В батальоне опережают график работ по строительству объектов для проживания в зимних условиях (палатки, овощехранилище, клуб, столовая). До настоящего времени нет ни одного, даже малейшего, нарушения дисциплины. Батальон занял второе место в социалистическом соревновании среди всех войсковых частей, участвующих в ликвидации аварии.

В штабе посмотрели список и начали рассуждать о том, что от одного офицера нашего батальона был рапорт в штаб второго сектора, в котором говорилось об отсутствии рабочих рукавиц, и по этому вышестоящее руководство не подпишет

наградные листы. Это был дипломатический отказ. Получалось так, что нужно было работать даже без рукавиц. Брать голыми руками радиоактивные пыльные предметы, мусор, которые показывали десятки рентген. Штаб постоянно ставили в известность, если были какие проблемы — мы после работы всегда отчитывались передним. Смотрю на них и думаю: какое мелочное отношение к людям.

Что вы можете делать без этих батальонов «смертников» (так нас называли на станции)? Как только случится что-то глобальное, сразу вызывают воинов из запаса. Где ваши полки гражданской обороны, системы оповещения? Все скрывали в трудную минуту. А теперь не хотят отметить героический труд людей из-за своих просчетов.

Один из работников штаба предложил меня для награждения, на что ему ответил: «Мы работаем в одной связке, одному выделяться — это недостойно». На этом эпопея с награждениями закончилась.

Спустя много лет мне пришлось увидеть наградные листы руководителей предприятий. Их награждали орденами в честь пятидесятилетия со дня рождения или еще какой-то д ты. И это во время экономического спада производства и развала страны, коррупции руководителей предприятий и вышестоящих чиновников. Даже Героев Украины присваивают в мирное время и в таком количестве людям, которые не имеют ни каких заслуг по защите Отечества.

Воины запаса, выполнив свой долг, ушли опять в запас и не кому о них теперь вспомнить. Вышли из народа и ушли в народ. А лавры достались другим.

Была попытка отметить достойно ликвидаторов, но не захотели кабинетные начальники. Ни один кадровый офицер штаба опергруппы особой зоны № 3 не пошел с нами и не посмотрел на работу, где и в каких условиях мы работаем. Они отчитывались перед правительством исходя из нашей информации.

Возможно, и правильно было сделано, что офицеры тоже были призваны из запаса. Мы работали все вместе. У нас не было различий по работе и это было хорошим показателем и примером для подчиненных.

Низкий поклон вам, воины-ликвидаторы нашего спецбатальона. Нас не знают, а значит, не могут помнить, кто своим героическим трудом спас многие поколения многих стран от страшной беды.

И никогда государство не достигнет высокого уровня развития, если его спасители забыты.

Последние дни в батальоне

Дни стояли жаркие, душные. В небе словно зависло на одном месте раскаленное солнце. Не было ни дуновения ветерка. Дорога, которая пролегла по лугу к нашему батальону, была покрыта толстым слоем пыли. С тыльной стороны батальона, справа и слева от него, простирался луг, покрытый кустарником и деревьями. Вдали деревья казались прозрачными, и мягкая сизая дымка таинственно и нежно окутывала их. Как будто в сонном царстве стояли кустарники. С четвертой стороны, со стороны поля, горизонт был покрыт маревом и трудно было его отличить от неба. Теплые волны воздуха, исходящие от поля, были прозрачными. Они поднимались вверх и искажали пейзаж, находящийся вдали. Казалось, горизонт дышал от этих волн, от этого знойного лета. И вся природа как будто была связана между собой невидимыми нитями: общались деревья, трава и все живое в этом мире. Каждая клеточка вибрировала в унисон этому спокойствию и тишине.

Тишина была и в батальоне. Было время обеда. Строительство шло к завершению, и мы уже могли себе позволить не работать в отведенное для обеда время. Это было время, когда люди могли отдохнуть от тяжелого физического труда, но нельзя было укрыться от жары. Она была всюду. Это было время жатвы — уборки зерновых культур. Был конец августа-месяца.

Закончилось время обеда. И опять тишину нарушили стук молотков и топоров, звуки падающих досок и бревен.

Как ты, время, порой скоротечно, а порой замедляешь свой бег. То мчишь, как горная река, то — как тихая заводь. Время для нас, казалось, остановилось. Сутки казались годом. И сколько работы мы успевали сделать за сутки.

Натужно ревя моторами, по грунтовой дороге двигалась колонна автомобилей. Показался первый автомобиль, остальные были в клубах пыли. Это возвращалась со станции первая смена. Проехав КПП батальона, машины остановились недалеко от палаток. Пыль медленно распространялась в стороны и оседала на траву и кусты. Послышался звук отбрасываемых задних бортов и началась выгрузка. Казалось, что все воины пропитаны этой пылью. Сейчас они примут душ, пообедают и — на стройку. Труд людей изматывал. Постоянное недосыпание, обычное армейское питание, радиация — все это сказывалось на состоянии людей. Они держались только силой духа и верой. Сила духа заключалась в том, что на нас возложена большая ответственность по ликвидации аварии — работаем в эпицентре взрыва, за нами стоят миллионы людей и наши семьи. Мы уже видели результаты работы своего и других подразделений. Вера была в том, что через месяц придет замена. Поэтому за месяц все полностью выкладывались в работе.

Очередная поездка на станцию ни чем не отличалась от других. Работали в помещениях 4 реактора. Отчитался в штабе о проделанной работе. Там сообщили, что замена мне еще не скоро будет. Замполитов будут задерживать. «Батальон на

хорошем счету, хорошо знаете личный состав. И часто менять замполитов, как меняем личный состав, нет смысла». Мне было все равно, тем более что о замене их не спрашивал. Почему-то было принято, чтобы старшими команды ездили замполиты (замполит батальона, заместители командиров рот по политчасти). Наверно, это было связано с большой ответственностью. Тогда компартия была еще при власти. Когда замполиты набирали предельные дозы облучения, а замены не было, то старшими команды ездили офицеры управления батальона и командиры рот.

Дни шли своим чередом. Работа, казалось, забирала последние силы. В один из дней — девятого сентября, как и обычно, в первую смену, мы уехали на станцию. Приехав в батальон, занялись строительством овощехранилища. Больше половины его было уже построено. Это самый трудоемкий объект. Вдруг подходит помощник начальника штаба и говорит, что пришла телефонограмма о моей замене. Для меня это было неожиданностью. Ведь на замену мне никто не прибыл. Необходимо передать дела, показать маршруты передвижения по станции. По позывному звоню в штаб. Да, действительно, подготовлена замена. Отправка этой ночью. А на мою должность прибывает подполковник из Афганистана. Мне стало все понятно. Всем, у кого доза облучения приближается к 25 рентгенам, делают замену. Если превысит, то надо платить одноразово пять окладов или пять средних заработков по тарифной сетке. Поэтому всегда делали срочную замену.

Замена сегодня примерно восемь человек. Обычная система оформления документов — приказ, справки по оплате и о прохождении учебных сборов. В военном билете в графе «особые отметки» (стр. 17) запись о том, что за период прохождения учебных сборов при войсковой части 32207 с 30 июля по 9 сентября 1986 г. выполнял служебные обязанности по ликвидации последствий аварии в особо опасной зоне № 3 Чернобыльской АЭС и получил дозу облучения 23,18 рентген. В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР и ВЦСПС от 5 июня 1986 года № 665–195 указанный период службы засчитывается в трудовой стаж и стаж, дающий право на льготную пенсию по списку № 1 в трехкратном размере. Пользуется всеми льготами. Командир в/ч 32207 майор Щербинин. Подпись. Печать.

Сложил аккуратно документы в своем столе, хотя там и так был порядок. В штабе не имели привычки брать что-то в чужом столе, пусть даже это будет карандаш, линейка или ручка. Поэтому нарушать порядок было некому. Как ни странно может показаться на первый взгляд, но дисциплина в батальоне была образцовой. Этому порядку мог бы позавидовать любой батальон, любая войсковая часть. Мне приходилось служить срочную службу в Германии, в г. Дрезден, я видел порядки еще при бывшем СССР. Потому пишу о нашем батальоне достоверно, как солдат, отслуживший в свое время срочную службу, которому есть с чем сравнивать.

После двенадцати часов ночи мы получили документы, попрощались с офицерами управления, работниками штаба и со всеми, кто трудился на стройке. Я поблагодарил всех за отличную службу, пожелал скорейшей ликвидации аварии и возвращения домой. Секретарь парторганизации батальона ст. лейтенант Рогожинский вручил нам грамоты за активное участие в ликвидации аварии на ЧАЭС. Моя грамота дополнила количественный список грамот и благодарностей, которые были мне ранее вручены штабом опергруппы особой зоны №3 и штабом второго сектора.

Мы сели в автомобиль скорой помощи и, подъехав к КПП, вышли попрощаться с дежурными. Наша машина ехала плавно по грунтовой дороге, высвечивая в темноте кустарники, деревья. Все молчали. Это был период, когда мыслями мы еще с батальоном, его проблемами, а о доме, как это ни странно, пока мало думалось. В голове еще были планы на следующий день. Казалось бы, личный состав постоянно меняется: одни приезжают, другие уезжают, но все же привык к этому батальону с его постоянной физической и психологической нагрузкой. Он уже стал родным. Сами все строили и благоустраивали.

Сорок двое суток напряженного труда остались позади. Впереди было возвращение к нормальной обычной жизни, но уже не той, что была до аварии на станции. Эта авария наложила какой-то свой отпечаток на каждого из нас.

Наконец мы выехали на шоссе и повернули вправо на г. Иванков. И так, впереди конечный пункт прибытия г. Белая Церковь. За окнами стояла темная ночь. Монотонное гудение мотора успокаивало и расслабляло. Утомленные постоянной работой и недосыпаниями, мы незаметно для себя задремали. Этот сон был коротким. Начало светать. Ночь уступила место рассвету. И вместе с рассветом расширялись границы обзора. Вокруг нас располагалась красивая местность. Машин на дороге в этот ранний час почти не было. Начиналось утро — тихое и спокойное. Слева от нас медленно, но уверенно начинало светать. Это был рассвет нового дня и новой жизни, которая разделена теперь для нас — до ликвидации аварии на ЧАЭС и после аварии. Мы уже были не те, что до аварии. Мы были уже другие — меченые атомом, и это стало печатью на всю нашу оставшуюся жизнь.

Машина легко и свободно мчалась по шоссе. Верхушки деревьев, освещаемые рассветом, казались фантастическими островами среди молочного цвета тумана, простирающегося у их подножия и по равнине. Это был какой-то полет по сказочному миру с восходом солнца — рождением нового дня и новой жизни. Мы перешагнули через условную границу из опасного и трудного прошлого в неизвестное будущее, которые так тесно связаны между собой и зависят одно от другого. Нам не забыть прошлого — оно в нас, и будет напоминать о себе всю жизнь. Ведь под воздействием радиации у нас произошло органическое поражение организма, его изменение.

Через несколько часов мы приехали в г. Белая Церковь, в войсковую часть, откуда нас отправили в батальон. В штабе части или, точнее, этого пересыльного пункта, мы доложили о прибытии нашей группы. Телефонистки передали в опергруппу и в батальон о нашем прибытии. Я поговорил со старшим машины, чтобы на обратном пути отвезли меня домой. Ответил, что нет проблем. Машина должна была отправляться в батальон с вновь назначенным замполитом. С ним мы встретились в штабе этой части. Он стоял у открытого окна и курил сигарету. Это был мужчина средних лет в повседневной военной форме, в звании подполковника. Работник штаба представил нас друг другу. Мы поздоровались, пожали руки. Докуривая сигарету, он успел рассказать мне, что прибыл из Афганистана. Там был секретарем парткома полка. Ему не дали возможности заехать домой, чтобы увидеться с семьей, а сразу отправили на ликвидацию аварии замполитом в наш спецбатальон. Меня удивило, почему человеку не дают возможности отдохнуть, повидаться с семьей, а направляют из одной горячей точки в другую? Как будто у нас в стране не хватает военных.

Всей группой зашли на склад, получили свою гражданскую одежду, переоделись и сдали военную форму, которую уничтожат.

Мы выехали из войсковой части, заехали на автовокзал, — кому-то нужно было ехать автобусом домой. Потом поехали в Фастовский район, с. Яхны. Вечером наша машина остановилась возле дома, который мне выделил колхоз около года назад. В окнах соседних домов уже горел свет. Дом встречал меня неприветливо. Он начал зарастать бурьяном, казался пустым и осиротевшим. Только в его окнах не было света. Моя семья находилась у родителей жены. Предложил зайти в дом, но всем хотелось быстрее доехать к себе домой. Некоторые хотели успеть в г. Фастове на электропоезд. Попрощался со всеми, пожелал им счастливого пути, и машина скрылась за поворотом.

Пусто и одиноко было на душе. Никто не встречал. Трава во дворе выросла вдоль палисадника, около дома и сарая. Зайдя в дом, зажег свет, приготовил чай, и мысли о семье — жене и сыне — начали улучшать настроение. Да и все в доме как бы говорило об их присутствии. Быстро искупавшись и лишь коснувшись подушки, уснул крепким, продолжительным сном.

После аварии. Тревоги и заботы

Проснулся, когда солнце было высоко над горизонтом. В этот же день встретился с председателем колхоза и поговорил с ним об отпуске. За три года ни разу не был в отпуске, да и выходных нет в колхозах. Подписав мне отпуск, он сказал: «Поправляйся, сильно ты сдал». Не знаю, что на него больше подействовало, — мой вид или то, что я был на станции. Все, кто меня видел, спрашивали, не заболел ли.

На следующий день поехал к своей семье в г. Ульяновка Кировоградской области. Там все было хорошо. Сын подрастал, учился говорить. Жена мне сказала, что ее

мама заплакала, когда увидела меня: «Какой он стал худой». Тогда еще подумал, что, наверное, выгляжу не очень-то хорошо. Чувствовалось, что подташнивает, пошатывается при ходьбе, плохое самочувствие, хотя эти симптомы были у всех, кто работал на станции. Уже отпуск подходил к концу, а самочувствие не улучшалось, несмотря на то, что были и фрукты, и овощи, и чистый воздух, и вода из колодца.

Стояла золотая осень. Во дворе с обеих сторон и над головой свисали гроздья винограда. Солнце, как бы прощаясь с пожелтевшими листочками, старалось еще согреть их своим теплом.

Так незаметно и прошел отпуск. Со здоровьем было что-то непонятное и странное — отдыхаю и не могу отдохнуть. Какая-то постоянная усталость и прочее. Жене сказал, что без выходных и отпусков работать уже не смогу. Не позволит состояние здоровья. Придется увольняться с работы. После увольнения устроился работать на завод.

Почему пишу еще и про послеаварийный период? Потому что через этот период прошли все ликвидаторы. Вплотную столкнулись с нашей медициной, с бездушным отношением к нам правительства. Об этом все мы должны помнить и знать.

Состояние здоровья не улучшалось. Головные боли то утихали, то усиливались. Начали происходить странные процессы во всем организме.

Помню, подписывал паспорта на выпускаемую продукцию, и вдруг появляется боль в глубине глаз.

Вижу только ту букву, на которую смотрю, рядом темный провал. Перевожу взгляд — то же самое. Позже начали появляться в поле зрения искривленные светящиеся зигзагообразные линии с желтовато-зеленоватым оттенком. Они как бы вибрировали. При этом была тупая боль и дискомфорт. Обратился с этими симптомами к врачу — выписала обычные лекарства, но они не помогали. Позднее узнал, что на то время существовал ВНЦРМ — Всесоюзный центр радиационной медицины в Пущи-Водице. Почему вовремя не направляли туда на лечение? Ведь врачи должны знать лечебные учреждения. Стали появляться на ладонях водянки. Выше кистей на руках появились язвы и при изгибе локтей кожа трескалась, появлялась кровь и лимфа — желтоватая жидкость. Рубашка прилипала и снимать приходилось рывком, чтобы меньше было боли. Врач назначил мазь, таблетки и протирки спиртом вокруг ран — все это не помогало. Водянки на ладонях объединились в один большой сплошной пузырь. Кисти рук опухли и покраснели, пальцы не мог свести. Было понятно, что надо разрезать и выпускать жидкость, а не смазывать, как рекомендует врач. Тогда у меня сложилось свое мнение о медицине. Ведь раньше мне не приходилось обращаться к врачам. Когда попал в больницу, то, помню, пожилой врач воскликнул: «Сынок, да у тебя лучевой ожог!». Потом, как будто опомнившись, добавил: «Нам нельзя это писать, напишем другой

диагноз». Мне было все равно, что напишут, главное — нужно было утихомирить боль, так как не мог спать.

Через несколько лет от завода в порядке очереди получил квартиру. До этого приходилось снимать ее. Обращался во все структуры исполнительной власти по жилищному вопросу, но безрезультатно. Когда получил от завода квартиру, на одной лестничной площадке райисполком в 90-х годах (еще при советской власти) выделил квартиру одинокому человеку, который только что вышел из мест заключения. Мне квартиру раньше своей очередности райисполком не выделил, отделивался отписками. И еще пример: в этот же период директор небольшого предприятия фиктивно разводится с женой, получает вторую квартиру в течение трех месяцев как человек, которому негде жить. Мне стало понятно, что мы государству уже больше не нужны и что это за государство, мне стало тоже понятно. Мы — отработанный материал, балласт, от которого избавляются — подавляют морально и материально. Лечение платное, санаторно-курортные путевки не всегда дают, детей своих учим за деньги и что остается после этого на питание, одежду? Уже нельзя ничего сказать о театрах, концертах и прочем, потому что по состоянию здоровья мы не можем обеспечить свою семью жизнью, достойной человека. Живем ниже прожиточного минимума.

Помню, когда лежал в ВНЦРМ — Всесоюзном научном центре радиационной медицины в Пущи-Водице, то хотел узнать — можно ли после сильного облучения иметь здоровых детей и где можно провериться. Врачи мне не могли ответить на этот вопрос. А в то время у них была лаборатория цитогенетического исследования крови. Мне об этом стало известно спустя несколько лет. Почему-то даже об этой лаборатории молчали. И только спустя много лет удалось сделать цитогенетическое исследование крови. Результатами заинтересовалась заведующая лабораторией. Спросила, где мне пришлось работать, потому что впервые к ним попал ликвидатор с таким большим количеством пораженных хромосом. Документ выдали с учетом корректировки вышестоящего начальства — по частоте аберрантных клеток, по общей частоте аббераций хромосом, по частоте аббераций хромосомного типа и прочее, с учетом, что среднее значение поглощенной дозы составляет 50–100 Бэр (Биологический эквивалент рентгена) и что выявленный мутагенный эффект обусловлен радиационным воздействием. Даже спустя годы существуют запреты на правдивую информацию о собственном здоровье. Так кто мы есть на самом деле, мы, спасши ваши жизни? Почему мы не должны знать правдивую информацию о своем здоровье?

В поисках лечения приходилось изучать на родную и медицинскую литературу. Прочитав Большую медицинскую энциклопедию АМН СССР (авторы Сточик А. М., Варнаков О. В., 1989 г.), я пришел к выводу, что почти все мы получили лучевые поражения, но медицина этого не признает. В Краткой медицинской энциклопедии (гл. редактор академик Б. В. Петровский, том 2, стр. 84) сказано, что значение имеют

и лабораторные показатели: частота повреждений хромосом (возникновение аберраций) в клетках костного мозга и в лимфоцитах крови...

На стр. 86 сказано, что лучевые повреждения проявляются в виде ожогов кожи, напоминающих термические ожоги и отличающихся от них тем, что лучевые ожоги кожи развиваются не сразу после воздействия, а спустя некоторое время (латентный период). Один из видов острых лучевых повреждений кожи — влажный эпидермит (образование в зоне облучения мелких пузырьков с серозным или серогнойным содержанием).

При обращении в Совет для определения диагноза лучевого поражения врач сказала, что энциклопедия для них ничего не значит и что они сами все знают. Вывод был такой, что заболевание, совпадающее с описанием заболеваний в энциклопедии — лучевым поражением, для врачей не является основанием для установления этого диагноза, хотя документальные подтверждения заболевания имеются. Этот путь прошли и проходят настоящие воины-ликвидаторы последствий аварии на ЧАЭС, которые в 1986 году под приказом, в погонах, шли навстречу радиации без средств защиты в десятки и сотни рентген, перенесли на себе тонны грузов и не отмечены правительством до настоящего времени. Слава Вам, воины, отдавшие жизнь и здоровье во имя живущих поколений. Это большая цена, а поймут ли потомки — это зависит от памяти, вписанной простыми буквами в монументы и книги.

И пусть эта книга будет историей и памятью о тех трагических событиях нашего прошлого.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВОИНОВ СПЕЦБАТАЛЬОНА

Первый сигнал

В журнале «Чрезвычайная ситуация» (11, 1998) опубликована статья — «Спецбатальон». В этой статье рассказывается о формировании нашего батальона.

26 апреля 1986 года в 4 часа 20 минут дежурный полка гражданской обороны г. Киева капитан Челышев получил сигнал тревоги. Прозвучала команда, специальный отряд готовился к выезду на ЧАЭС. Нужно было срочно подготовить технику, людей, средства защиты. Тогда еще никто не знал размеров и характера аварии. И в 6 часов 20 минут колонна, возглавляемая командиром полка полковником Гребенюком, покинула территорию части.

Отряд состоял приблизительно из 145 человек личного состава и двадцати единиц техники. В 10 часов 15 минут колонна прибыла на промплощадку ЧАЭС. Сразу начали разведку маршрутов и прилегающей территории. Командир разведвзвода старший лейтенант Логачев проводил разведку радиационной обстановки прибором ДП-3, который находился в спецбронетранспортере БрДМ 2РХ.

Результатам трудно было верить. Замеры излучения внутри бронемашины возле столовой станции удивляли: стрелка прибора зашкаливала. Шкала максимума — 800 рентген/час, учитывая тот факт, что броня БрДМа уменьшала фон в три–четыре раза, разведчики записали результаты разведки — ионизирующее излучение нейтронных потоков возле столовой составляло 2080 рентген/час. Эти цифры очень долго были секретными, даже сейчас многие не признают их правдивыми. После того, как представителям Государственной комиссии сообщили данные результаты разведки, тогда решили срочно снять милиционеров с постов охраны за 300–500 метров от взорвавшегося четвертого энергоблока и в отдельных районах г. Припяти. Люди падали с ног, их рвало, многих забирали без сознания. Над блоком, а точнее над его остатками, поднимался серо-белый дым. Многие наблюдали необычайные оттенки зарева, которое было заметно даже днем.

Когда стало понятно, какая страшная, опасно масштабная произошла катастрофа, у многих руководителей опустились руки, и они от отчаяния не знали, что им делать. Никто даже не вспомнил про существование гражданской обороны станции и г. Припяти, все разбежались. Нужно было срочно начинать эвакуацию населения, но никто не хотел брать на себя эту ответственность, потому что за «подстрекательство и панику» наказали бы точно.

Тем временем в г. Припяти простые граждане с интересом наблюдали это необычное свечение, праздновали свадьбы. Когда на улицах появились бронетранспортеры радиационно-химической разведки, тогда стало все понятно, и каждый старался оставить г. Припять и уехать как можно дальше. Только после того, как люди пешком стали уходить из города, власть решила, что нужно начинать эвакуацию. Это было уже 27 апреля.

Тем временем четвертый реактор ежесуточно излучал в окружающую атмосферу 12 МераКЮ.

Процесс деления ядер продолжался, был абсолютно неконтролируемым и непрогнозируемым. Обслуживающий персонал третьего энергоблока в первые часы после катастрофы заливал руины четвертого энергоблока водой из системы охлаждения и это на некоторое время позволило контролировать температурные процессы, но основным заданием было в сжатые сроки снизить уровни радиации до минимума. Решено было засыпать реактор веществом, которое создало бы над ним защитный панцирь. Эта работа была возложена на вертолетчиков и личный состав 731 отдельного батальона специальной защиты полка Гражданской обороны г. Киева, сформированного из воинов запаса

По закону военного времени

Погасли последние огни в окнах рабочего общежития киевского завода «Коммунист» (сегодня — «Радар»), теплая тихая ночь опустилась на землю с тонким ароматом весенних запахов. Мирно и спокойно пришли следующие сутки — 29

апреля 1986 года. Рабочие отдыхали после трудового дня, ночные огни в коридорах разливали приятный неяркий свет.

Но эти сутки для одиннадцати избранных судьбою означали начало новых суток в их жизни. И эта ночь осталась в их памяти навсегда, изменив жизнь. Фрезеровщики Анатолий Кифа и Александр Комаринец, Владимир Тислицкий, Николай Горбик и еще семь человек даже не догадывались, что утро они встретят уже вблизи ЧАЭС.

К общежитию подъехало несколько автомобилей. Работники МВД и Московского райвоенкомата настежь открывали двери. Звучала громкая команда: «Подъем!». К людям подходил работник военкомата и требовал военный билет. После этого сообщал, что на улице ждет автобус, с собой брать самое необходимое. Тем, кто старался что-то уточнить, пригрозили трибуналом и тут же уточнили, что это только сборы.

Таким образом был сформирован 731 ОБСЗ — отдельный батальон спецзащиты. Пополнение личного состава батальона обеспечивали райвоенкоматы г. Киева, а также Макаровский, Бородянский, Фастовский райвоенкоматы. Из каких соображений было начато формирование батальона из воинов запаса, непонятно и сейчас. Про работу и роль 731 ОБСЗ во время ликвидации аварии на ЧАЭС знает немного людей — лишь узкий круг специалистов и сами ликвидаторы. Хотя в архивах сохраняется директива Генштаба от 28.04.1986 года за № 490, согласно которой состоялось формирование батальона. Ни один архив не даст списки личного состава, — секретно. Почему? «Зачем людей тревожить», отвечают. Даже спустя столько лет, витает призрак секретности. Никто не знал, какую дозу облучения получают эти воины, сколько их погибнет. Сейчас такая информация есть, однако ею владеет ограниченное количество специалистов.

Когда необходимое количество — 353 человека — набрали и после оформления документации на базе Киевского полка ГО они были быстро переодеты в военную форму, накормлены солдатской кашей и построены на плацу, тогда было объявлено, что этот 731 отдельный батальон специальной защиты Гражданской обороны будет задействован в ликвидации аварии на ЧАЭС. Во время выполнения задания действуют законы военного времени со всей полнотой ответственности. Сформированный в рекордные сроки — всего за несколько часов (согласно мобилизационного плана на формирование такой части отводится трое суток), батальон не был обеспечен ни индивидуальными дозиметрами (на 10–15 человек выдавали неградуированный ДК-50 «карандаш»), ни противогазами. Не было даже марлевых респираторов и очков. Некогда было в условиях такой спешки думать про инструктаж по технике безопасности, правила поведения в зонах с повышенным радиационным излучением, обеспечения индивидуальными аптечками или радиопротекторными препаратами.

Батальон прибыл на берег залива Припяти — между Копачами и Лельовым. Времени на обустройство не было. Сразу же начали помогать в эвакуации населения. Делали дезактивацию дорог, загружали вертолеты песком, доломитом и свинцом.

На каждого в день приходилось по две тонны. Жара, оглушительный шум над головой, песок на зубах, и так ежедневно по 14–16 часов. Командир батальона полковник запаса Николай Федотович Босый и Александр Комаринец со своим товарищем Анатолием Кифой вспоминают, что каждый день длился как месяц. Сначала вертолеты загружали мешками, потом сделали контейнеры, которые раскрывались над реактором. Но из-за высокой температуры свинец испарялся, не долетая, песок плавился. Тогда изобрели хитрый способ — парашютную упаковку: ряд песка, ряд свинца, ряд доломита. Вертолеты Ми-6 и Ми-8 брали по 4–6 упаковок, каждая около тонны. И чтобы не тратить много топлива и времени, вертолеты не садились, а зависали в метре над землей. Нужно было с ювелирной точностью зацепить десяти килограммовый зацеп за скобу в днище вертолета, когда тяжело было устоять на ногах от напора ветра винтов вертолета. Сквозь поднявшиеся пыль и песок надо было разглядеть прицепное устройство и зацепить. И это все делалось без средств защиты, на полном энтузиазме наших бойцов. Вертолеты работали по принципу карусели — сбросив груз, возвращались за грузом и так без конца. И мы должны были успевать загружать парашюты. Это был действительно героический труд. Каждый вертолет приносил с собой фон в 4–5 рентген. Уже через сутки одежда «светилась» и дозиметристы старались обходить «партизан» — так нас тогда называли, потому что сильно «фонили», т. е. мы создавали радиоактивный фон. Благодаря, без сомнений, героическому труду пилотов и «партизан», реактор укротили: 8 мая излучение составляло не 12, а 0,01 МераКЮ.

Лишь на четвертые сутки сменили обмундирование. Александр Комаринец решил не менять мягкие сапоги на «деревянную» кирзу, за что впоследствии тяжело поплатился — лучевые ожоги нижних конечностей, — дело шло до ампутации. Помог Мюнхенский университет: по благотворительной программе Баварского Красного креста немецкие врачи спасли Александру ноги. Наши медики не видели связи между его болезнью и работой на ЧАЭС.

Анатолий Кифа во время лечения в отделении лучевой терапии 25 клинической больницы г. Киева чуть не умер, находясь в состоянии клинической смерти. Все больше года не могли смотреть на яркий свет — обожжена ионизирующим излучением сетчатка и роговица глаз.

Загрузили пять тысяч тонн — такой результат труда воинов батальона. И пять тысяч тонн груза было сброшено пилотами на реактор. Вертолеты давно стоят на могильниках, металл не выдержал, а оставшиеся в живых воины хотят, что бы люди

знали правду о тех событиях и о сегодняшнем дне — с каким пренебрежением к ним относится спасенное ими государство.

«Ребята, у кого есть какие предложения?»

Про интересные и грустные ситуации, которые характеризуют не подготовленность до такой серьезной катастрофы, стоит вспомнить. Александр Комаринец рассказывает, что один раз во время утреннего построения прилетело в лагерь военное руководство поприветствовать «орлов-партизан» и спросило: «Какие у кого есть предложения, идеи по ликвидации последствий аварии?». Было такое ощущение, что они растерянны и не знают, что делать. Командир батальона полковник запаса Босый Н. Ф. вспоминает, как во дворе Чернобыльской «Сельхозтехники» площадью в один гектар стояло приблизительно сотни солдатских кухонь. Возле каждой кухни по 4–5 солдат. В кухнях варили жидкий раствор пленки, тонким шаром которой планировалось покрывать строения и деревья. Но после пробного полива стало понятно, что из брандспойта пожарной машины нанести эту жидкость тонким слоем не получается. Так и не пригодился этот способ дезактивации. На заводах даже были изготовлены две громадные установки для приготовления пленки в больших объемах. Их называли «поларисами». Так они и ржавеют где-то на могильнике.

А чего стоила идея перекапывания лопатами усадеб? Перекапывали, как будто цель была — закопать верхний радиоактивный слой в нижний слой почвы. Эффективность таких действий нетрудно представить. Доходило до абсурда. Теперь это уже история, но у этой истории пока еще есть свидетели.

Температуру снизить немедленно!

Практически ни в одной документальной книге невозможно найти правдивой картины событий второго этапа ликвидации аварии. Или это умышленно, или из каких-то других соображений, перекручивают ход событий и переставляют местами действующих лиц, описывая откачку воды из контура охлаждения четвертого энергоблока и закачку туда жидкого азота. Выполняли эту опасную и сложную работу 25 человек из 3-й роты 731 спецбатальона (ОБСЗ) во главе с капитаном Петром Зборовским. Сохранился список этой команды добровольцев, которым была потом выдана правительственная премия.

После того, как над разрушенным реактором была создана твердая оболочка весом 5 000 тонн, температура топливной массы начала быстро возрастать. Это могло привести к непредсказуемым последствиям. Нужно было срочно снизить температуру. Сделать это решили путем закачивания в контур жидкого азота, но перед этим нужно было оттуда откачать воду. Задача стояла очень сложная, учитывая степень разрушенных конструкций и уровень радиоактивного излучения. Основной объем работ по откачке воды выполнили штатными трубопроводами, которые тогда были на вооружении. За полтора суток жидкий азот уже закачивался

по только что проложенным специальным магистралям в контур реактора. Угроза термоядерного взрыва была ликвидирована. Жаль, что многим хочется перетянуть на себя не работу, а заслуги.

25 рентген — предел?

Как можно определить дозу облучения, если нет личного накопителя? Оказывается, очень просто. Дозу, которую составляли многие моменты, устанавливали «на глаз». Ради справедливости надо сказать, что до особого состава 731ОБСЗ во время «дозирования» относились более объективно. Все знали, что работаем в самом пекле, но всю правду про дозы простым спецбатовцам знать было не положено.

Поставили 35 рентген на человека. Сам факт, конечно, уникальный. Уже после этого редко кому ставили дозу выше 25 рентген. Для этого было много причин, но не последнюю роль сыграло на то время секретное распоряжение Совета Министров СССР за № 964рс от 17 мая 1986 года, где сказано:

«...с целью ускорения работ по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС выделить в распоряжение Минэнерго СССР дополнительный фонд заработной платы в размере 100 тысяч рублей ...в тех случаях, когда работник получит максимально допустимую дозу радиации (25 рент ген) и в связи с этим не допускается для дальнейшей работы в указанных зонах опасности, ему выплачивается единовременное вознаграждение в размере пятикратной месячной тарифной ставки (должностного оклада)». Согласно этому документу получается, что почти всем ликвидаторам первых месяцев (они, наверное, получили более 25 рентген) надо дополнительно платить, поэтому и писали в военных билетах 24,7–24, 9 рентген.

Пилоты вертолетов часто сами отказывались от записи дозы, большей за максимально допустимую, потому что медики автоматически их комиссовали, не допуская к полетам. Офицера, который пять лет учился, не устраивало отстранение от работы и службы.

Земной Вам поклон, ликвидаторы!

Пятнадцатого мая 1986 года на смену в 731 отдельный батальон спецзащиты пришла вторая волна «народного ополчения». Им предстояло проводить дезактивацию территории ЧАЭС и зоны отселения. Воины первого призыва, которые питались сухими пайками, обливались потом и дышали радиоактивной пылью, поднятой винтокрылыми машинами, уезжали домой. И это не значило возврат к нормальному ритму жизни. Эта трагедия все рас ставила по своим местам, сделав трагическими их судьбы. Много можно и нужно сказать им, ликвидаторам, но хочется сказать лишь одно: «Земной вам поклон, наши ликвидаторы, вы победили. Осталось победить людское непонимание и безразличие». Такими словами заканчивается статья «Спецбатальон» в журнале «Чрезвычайная ситуация» №11, 1998 года.

Полеты над целью

Вспоминает штурман-инструктор 1 класса эскадрильи вертолетов МИ-6 и МИ-8, полковник запаса *Письменский Игорь Юрьевич*.

В ночь с 26 на 27 апреля 1986 года были подняты десять вертолетов МИ-6 с аэродрома Александрия Кировоградской области. Группа перебазировалась на аэродром в г. Чернигов. А 27 апреля вылетели на рекогносцировку и опробования полетов с грунта на внешней подвеске.

С 28 апреля начались полеты на взорвавшийся 4-й реактор Чернобыльской АЭС. Экипажи выполняли полеты на реактор для тушения пожара и уменьшения выбросов радиации в атмосферу. Вначале засыпали реактор песком, затем свинцом и доломитом. Полеты выполняли с раннего утра и до позднего вечера. Сброс груза на 4 реактор проводили с двух сот метровой высоты. Ориентир — справа труба. Это была труба 4 и 3 реакторов. Работали и в праздничные дни 1 и 2 мая. Загрузка осуществлялась на площадках в 12–20 км от станции.

Полеты выполнялись без средств защиты. Единственное средство защиты — респираторы. Заменяли нас 5 мая на другие экипажи, которые продолжали выполнять полеты на наших зараженных вертолетах.

До этого выполнял интернациональный долг в Афганистане.

Вспоминает штурман вертолета МИ-6, полковник запаса *Мизько Андрей Александрович*.

По тревоге 30 апреля 1986 года подняли весь полк. Началась подготовка к перебазированию с аэродрома пгт Прибылово Ленинградского военного округа на аэродром г. Чернигова. А 4 мая пришла телеграмма подготовить к отправке восемь экипажей вертолета МИ-6, готовых к выполнению полетов с грузом на внешней подвеске. На самолете АН-12 нас 5 мая доставили в г. Чернигов, где мы приняли вертолеты у экипажей Александрийского полка и продолжали выполнять работу на этих зараженных вертолетах по ликвидации аварии на ЧАЭС. Выполняли доставки груза на площадки в 12 км от станции. А также выполняли полеты на выброску груза на 4 реактор от загрузочных площадок (свинец, обычная охотничья дробь в мешочках по десять килограмм). Загружали мешок свинцом (100 мешочков по 10 кг).

Полет выполняли по маршруту: выход на город Припять. Затем подворачивали на береговую черту, выход на боевой, штурман открывал створки пулемета (чтобы более точно давать команду командиру вертолета на сброс груза), сброс и уход на площадку под очередную загрузку.

Полеты на взорвавшийся 4 реактор выполняли под руководством руководителя полетов, который находился в г. Припять на крыше гостиницы.

А 27 мая нас заменили экипажи, прибывшие из других войсковых частей.

Через три месяца в составе вертолетной эскадрильи я убыл в Афганистан для выполнения интернационального долга.

Вспоминает штурман вертолета МИ-6, полковник запаса *Бакеев Николай Михайлович*.

Первого июня 1986 года вышел из отпуска, а второго июня двумя экипажами мы прибыли в г.Чернигов. Перебрасывали грузы из г. Чернигова в Гончаровское, затем на точки промзоны и площадки 1, 2, 3 (кубок-1, кубок-2, кубок-3) ЧАЭС.

Из средств защиты были респираторы, в вертолет на пол выдали свинцовые коврики, которые должны были меняться после каждого вылета, но их не меняли. Выдавали индивидуальные дозиметры (карандаш). Если набиралось 25 рентген, то с полетами и службой приходилось расставаться — отправляли на комиссию. Потому эти дозиметры мы умышленно теряли.

Дезактивация вертолетов проводилась редко: за месяц и семь дней провели всего два раза. Затем по состоянию здоровья я был списан с летной работы. Последний вертолет был отправлен на площадку зараженной техники в 1988 году в населенный пункт Малейки (раньше был запасной аэродром Подскока).

До аварии на ЧАЭС дважды (в 81–82 г. и 85 г.) выполнял интернациональный долг в Афганистане.

Давайте вашего дозиметриста и пойдем проверим

Вспоминает бывший заместитель командира батальона, капитан запаса *Шехтерман Игорь Самойлович*, призванный из запаса.

Штаб оперативной группы особой зоны находился в подвале станции (мы его называли бункером). Нас в бункере знали. Часто приходилось с работниками штаба спорить и доказывать результаты своей работы.

Офицерам штаба казалось, что мы мало работали (по времени), они не верили нашим показаниям уровня радиации. Только одна фраза заставляла их подписывать документы: «Давайте вашего дозиметриста и пойдем, проверим».

На ПУСО — пунктах специальной обработки — наши машины с первого раза не могли пройти контроль из-за повышенного уровня радиации. Только после тщательной неодноразовой спецобработки удавалось на время снизить уровни радиации и проехать через этот пункт.

После аварии в 1988 году, я был на лечении в радиологическом центре (Пуща-Водица). К нам приехал Министр здравоохранения (мы называли «здравозахоронения») и сказал, что наши дозы облучения будут более достоверны, если их умножить от 3 до 7 раз, в зависимости от места работы. Врачи говорили, что иммунная система у облученных почти не работает.

За выполнение приказа — распишись

Своими воспоминаниями делится *Владимир Демченко*.

Был призван райвоенкоматом на учебные сборы 8 мая 1986 года. Жаркий май, холодные ночи. Военный лагерь располагался в с.Ораное, в/ч 53893. Нас тогда заставляли расписываться за выполнение приказов. Мало кто верил, что это правда. Каждый из нас был патриотом своей Родины и потому такие приказы были для нас абсурдными и неуместными. Сейчас в патриотизм мало кто поверит, но это было так. Мы воспитаны были в другое время и от нас зависели жизни и здоровье миллионов людей. Батальон состоял из 500 человек и назвали его строительным.

Первый выезд на ЧАЭС был первым шоком: безлюдные села, тишина, давящая на уши,— это было непривычно и тревожно. Иногда слышалось мычание коров и жалобное блеяние недоенных коз, бродили свиньи и собаки. Все это до боли угнетало и давило на нашу психику. И вот ЧАЭС, остановка возле памятника В.И.Ленина. Из 20 воинов отобрали группу из 6 человек. Кроме меня туда вошли Баштовый Александр Николаевич, Рудь Николай из г. Василькова, Кулыба Федор— оператор по водоснабжению 3 блока ЧАЭС, Белоконь Анатолий Григорьевич и боец из чужого взвода, фамилию которого, к сожалению, уже не помню.

Нам была поставлена задача — разведка прохода под развалины 4 реактора. Надо сказать, мы были подавлены увиденным — развалинами верхней части реактора. Мощные балки и все сооружения были могучей кучей развалин, и это уже было страшно. Мы нашли проход под реактор, как можно, расчистили и приступили к выполнению задачи, то есть, установки под реактор трансформатора. Этот трансформатор предназначался для прожога стены толщиной в 1,5 метра под реактором. Установка представляла собой как бы тачку с ручками, которые можно было сводить и разводить. Имелся защитный щит от электродуги, которая образовывалась при сведении концов 1,5 метровых графитовых стержней. От этой электродуги плавился бетон, превращаясь в стекло, плавилась и арматура в бетонной стене реактора. При первой попытке включения дуги не выдержали предохранители и сгорели ножи рубильника. На следующий день самолетом из г. Москвы было все доставлено. Отверстия в стене предназначались для ввода труб для охлаждения 4 реактора жидким азотом. На то время обеспечение охлаждения реактора считалось победой, хоть и не большой. Мы все это понимали. Эту задачу мы решили в 4 смены, которые составляли по 4,5 часа. Во время этих работ наши руководители менялись каждые 15–20 минут. Мы же были бессменными. И хотя

время для нас шло довольно быстро, мы успевали получать значительную дозу радиации, которую нам снижали до минимума — 3 рентгена. Средства защиты были довольно просты: армейский респиратор, из которого выливали пот, разъедающий кожу лица, сапоги, которые рвались об обломки всего, что рухнуло при взрыве. Бродили в жидком железобетоне, который заливали непрерывно где-то сверху.

Были и непредвиденные обстоятельства, когда трансформатор застрял в одном из полутораметровых дверных проемов. Мы его затаскивали на смену сгоревшему. Тогда мы вдвоем с сержантом Кулыбой остались в западне под прямой радиацией. Прятаться пытались в проеме напротив. И только смекалка и жизненный опыт позволили нам выбраться из этой ситуации. Орудую металлическими трубами, сантиметр за сантиметром продвигали трансформатор в это и так тесное помещение. Двое с одной стороны, четверо с другой стороны — вот так и протолкнули через узкое помещение. И то, что мы облучались, нам больше нормы не засчитывалось. Уже позже не могли понять, как нам, 6 человекам, удалось затащить трансформатор весом в 850 кг через все коммуникации темных подвалов 4 реактора. Наверное, это феномен Чернобыля.

Жили, пили и ели в бомбоубежище станции. Работу начинали в 2 часа ночи и заканчивали в 6.30 утром. Днем был отдых. Здесь же отдыхали и другие ликвидаторы, выполняющие не менее ответственные задачи. Здесь же находился и штаб по ликвидации последствий аварии. Мелькали незнакомые лица и, помню, не видел ни одной улыбки. Мы выполнили одну задачу и были горды этим, мы знали, что это нужно миллионам людей. Сейчас, наверное, такие чувства отсутствуют у людей и им не понять смысла предыдущего предложения. За два месяца мне с моими товарищами пришлось выполнять работы, не связанные со специальностью. Делали все это не за награды и страх, а за совесть и честь. Это был один из эпизодов, а были еще работы по снятию крыши, освинцовывание оставшихся проемов окон, дверей коридоров 4 блока, загрузка радиоактивных отходов в контейнеры и многое другое. Теперь мы всеми забыты и государству мы не нужны, оно давно от нас отвернулось.

От солнечной жары и радиации першило в горле, кружилась голова...

Из воспоминаний старшины 3 механизированной роты 731 спецбатальона *Ревчука Михаила*.

В Киеве теплая майская ночь. В 1 час 30 минут ночи звонок в дверь. На пороге стоит капитан райвоенкомата. Уточнив мою фамилию, сказал: «Одевайтесь, Вас ждет такси у подъезда!». Затем проехали еще по нескольким адресам, где были подняты с постелей еще несколько моих будущих друзей, после чего привезли нас в райвоенкомат Московского района г. Киева. На второй день — 11 мая 1986 года — нас всех при везли в полк Гражданской обороны, который располагался на

Краснозвездном проспекте. Переодели в военную форму и объявили, что мы с этого момента находимся под присягой. Все мы, 7 человек, сели в военную скорую помощь и выехали за пределы полка. На мой вопрос «Куда нас везут?» майор ответил: «Узнаете, когда приедем!». Мы прибыли в населенный пункт Городище, в расположение 731 спецбатальона, командиром батальона был подполковник Босый Н. Ф.

Однажды в батальон прибыл командующий Киевским военным округом (ККВО) генерал-полковник Осипов и перед строем объявил, что наш батальон находится на военном положении.

Занимались дезактивацией местности без средств защиты. Помню, 23 мая вся 3-я рота на машинах Зил-130, не оборудованных для перевозки людей (не укрытых тентом), выехала в район ЧАЭС для уборки радиоактивного грунта на территории станции с последующей загрузкой в спецконтейнеры и захоронение его на стационарных спецмогильниках.

Работали без средств защиты, на лице — марлевые повязки «лепесток». Работать приходилось ежедневно весь световой день по 16 часов, сменами по 15–40 минут в высоко зараженных местах — под стенами реакторов, ГСМ (горюче-смазочных материалов), ХОЯТ (хранилище отходов ядерного топлива) и т. д. От солнечной жары и радиации сохло и першило в горле, кружилась голова.

Некоторые ребята теряли сознание, из носа шла кровь, была рвота. Не хватало воды. Питались в столовой на втором этаже станции. И сейчас мы, оставшиеся в живых, говорим: «„Спасибо“ тебе государство, что ты нас „не забываешь“ сегодня».

Мы решили обойтись малой кровью

Из воспоминаний командира 2-го взвода 1-й роты 731 спец батальона майора запаса *Вацкеля Юрия*.

В пятницу, 30 мая 1986 года, было жарко, как и все предыдущие дни. Утром на планерке Производственного объединения «Электронмаш» объявили, что в субботу, 31 мая, будет проведен субботник, деньги от которого будут перечислены в фонд Чернобыля. После работы состоялась встреча с друзьями по институту. Когда прибыл в свое общежитие, вахтер сообщила, что меня искал майор. Подумал, что, наверное, одноклассник, который в те годы уже дослужился до майора. Пообщавшись с ребятами по этажу, пошел отдыхать. Под утро меня разбудили стуком в дверь. На пороге стоял прапорщик и два милиционера. Прапорщик держал в руках мобпредписание.

На сборы мне было дано 15 минут. Я не мог даже сообщить жене, что уезжаю. Она с маленьким сыном была у родителей. Возле общежития нас ожидало такси. Мы с прапорщиком прибыли в Ленинградский райвоенкомат. Здесь пришлось выслушать

недовольство майора — начальника мобилизационной службы, который заходил ко мне «в гости». Нас была небольшая группа офицеров запаса. Привозили запасников из других военкоматов. И в 9 часов утра автобусом нас отправили на сборный пункт в г. Белая Церковь. Когда была собрана автоколонна, мы выехали в сторону Чернобыля. Прибыли в расположение 25 бригады — окраина с. Ораное. На построении нам объявили, что мы стали участниками ликвидации последствий аварии на ЧАЭС и что в зоне действует военное положение. За невыполнение приказов — трибунал, который дает срок и оставляет в зоне, но на еще более жестких условиях.

После построения мы были распределены в войсковые части. Из батальона вызвали машину. И на бортовой машине, по грунтовой дороге, в клубах пыли, мы прибыли в в/ч 32207, которая состояла из отдельного батальона.

В расположении батальона людей почти не было — все были на станции. Начальник штаба сообщил, в какие взвода и роты мы по замене определены, и что батальон недавно прибыл на данное место дислокации. Это был палаточный городок на лугу с не большой рощей. Нас было четыре офицера, прибывших на замену командного состава 1-й роты. Заглянув в офицерскую палатку, мы увидели уставших ребят, лежащих на матрацах. Узнав, что мы прибыли им на замену, они оживились и начали рассказывать о порядке в батальоне и о работе на станции.

Переночевали в палатке, служившей складом батальона.

В первые же дни пребывания в батальоне обратил внимание на то, что была заметна сильная усталость всего личного состава батальона и все кашляли. Это была не простуда, а последствия работы в радиоактивной пыльной среде. Средства защиты не спасали. Впоследствии я убедился в этом. При очень интенсивной работе на станции мы были мокрые от пота. Дышать нам приходилось во всю грудь. Воздух был насыщен радиоактивной пылью. Марлевый лепесток, мокрый от пота, уже не пропускал воздух, и мы просто задохлись. Поэтому приходилось или сдвигать лепесток, чтобы можно было дышать, или просто срывать его.

Помню первый выезд на станцию. Мы ехали через покинутые села. Но казалось, что люди где-то рядом. Во многих дворах паслись телята, бродили свиньи, бегали кролики, куры, утки. Кое-где стояли машины.

На станции медработники раздают нам таблетки калия и йода, и следят, чтобы мы их приняли. После этого идет распределение на участки. Нам была поставлена задача — дезактивация турбин второго реактора. Замеряем уровни радиации, подсчитываем время работы и делаем дезактивацию. Мы проходим через проволочное ограждение на санитарный пункт №1, где переодеваемся в белые костюмы, а на ноги нам выдают белые тапочки. По окончании работы дозиметрист замеряет уровни радиации. В маршрутный лист записывается объем выполненной работы, уровни радиации и полученная личным составом доза облучения.

Возвращаемся на санпункт, принимаем душ, переодеваемся и уходим в вестибюль админздания. В штаб опергруппы Особой зоны №3 сдаем отчет о выполненной работе. Ждем возвращения остальных групп нашего батальона. Затем погрузка в автомобили и уезжаем в расположение батальона. В дальнейшем проводили работы на различных участках станции. Все происходило, как обычно.

Особенно запомнилось несколько случаев из нашей работы. Прибыла замена для личного состава 1-й роты. Это были ребята из г. Кривой Рог и прилегающих населенных пунктов. В очередную поездку на станцию, это было 9 июня, нам была поставлена задача — уборка радиоактивного мусора на крыше машинного зала турбинного цеха в районе 3 реактора. После взрыва 4 реактора радиоактивный мусор (кирпичи, обломки, трубы, арматура) валялись не только на прилегающей территории вокруг 4 реактора, но и на крыше 3 реактора и на крыше машинного зала, где нам предстояло работать. Для работы мы были переодеты в белые хлопчатобумажные костюмы, шапочки и тапочки. На ноги дополнительно выдали какие-то полиэтиленовые бахилы и на руки — полиэтиленовые перчатки до локтей. На лицо — марлевые повязки, типа «лепесток». Вот и все средства защиты. Позже для работы на крыше стали выдавать армейскую хлопчатобумажную форму, кирзовые сапоги, свинцовый фартук, очки. Мы были разделены на две группы. Первую группу возглавил я, вторую группу лейтенант Котов. Человек, который выводил нас на крышу, наверное, плохо ориентировался и вывел нас к разрушенной крыше 4 реактора — к трубе. Потом мы бежали по обломкам, которыми была завалена крыша 3 реактора к выходу, который был рядом с крышей 2 реактора. А это расстояние большое, нужно было пробежать по крыше весь 3 реактор. В надстройке этого выхода мы остановились и отдышались.

Сверху был хорошо виден зеленый лесной массив, и только огненно-рыжая полоса указывала направление лучевого прострела из пролома 4 реактора. Город Припять тоже был виден в легкой туманной дымке. В небе над территорией станции кое-где летали вертолеты, разбрызгивая связывающую жидкость.

Получили инструктаж на выполнение работ, который заключался в том, что нужно сделать. По лестнице спустились на крышу машинного зала. В стороне стоял радиоуправляемый трактор. Понятно, что он был в нерабочем состоянии. Техника не выдерживала. Поэтому наш батальон группами вручную расчищал эти завалы на крышах машинного зала, 3 реактора, возле трубы 4 реактора и внизу на прилегающей территории 4 реактора... В данной ситуации время работы на крыше машзала составляло 2 минуты. И время пошло. В быстром темпе лопатами сгребали обломки и песок. Загружали в черные полиэтиленовые мешки и подносили к наружному краю крыши турбинного цеха. В то время такие полиэтиленовые мешки мы видели впервые. Многие старались взвалить тяжелые мешки на спину, чтобы легче было нести, не осознавая, что такое радиация. Приходилось их ругать. Закончив работу, мокрые от пота и в пыли, мы бежали к зданию 3 реактора. Поднялись по лестнице вверх и, забежав в надстройку на крыше, спустились в

здание 3 реактора. Если бы этим путем мы прибыли сюда, то не пришлось бы бежать со стороны 4 реактора по крыше 3 реактора. И мы не получили бы по пути к месту работы такого сильного облучения. Впоследствии мы уточнили, почему нас вывели на крышу к 4 реактору? Оказывается, на станцию после взрыва приезжали работать люди с других атомных станций. Очевидно, одному из них была поставлена задача — вывести нас к месту работы. Вот он и напутал. Это должен был сделать тот, кто давно работает на этой станции и знает все ходы и выходы, а не вновь прибывший человек. Доза облучения нам всегда учитывалась только за время чистой работы. В данном случае — за 2 минуты.

На следующий день личный состав наших групп выглядел очень бледно. Кашель был у всех жесткий, у многих обострились старые болезни. У меня полностью пропал голос и была сильная сонливость. Меня отправили в наряд на дежурство в ВАИ (Воинская автоинспекция) на перекресток дорог. По состоянию здоровья отдежурить до конца не смог и меня отправили в медсанбат, который располагался в старой деревянной школе с.Горностайполя. Поставили диагноз — бронхопневмония. Пролечился там 5 дней и попросил, чтобы выписали. Через этот медсанбат прошли практически все, кто работал на крыше и им был поставлен такой же диагноз. Лейтенант Котов был отправлен в окружной военный госпиталь г. Киева.

Вернувшись в батальон, я продолжал выезжать работать на станцию.

Очередная поездка запомнилась тем, что мы проводили уборку радиоактивного мусора и дезактивацию помещения почти рядом с руинами стен 4 реактора.

Бежим по галерее в нужное нам помещение и, когда оказываемся на месте, через проем, который когда-то, наверное, был окном или дверью, видим развалины 4 реактора.

Потом нас перевели работать почему-то в ночную смену. Выезжали и возвращались со станции, когда было темно.

Нас, третий состав, заменили только 15 июля, — это полтора месяца напряженного труда в условиях высокой радиации. Какой организм может выдержать, если техника не выдерживала?

Очень запомнилась фраза одного генерала, приехавшего к нам в батальон с проверкой. На вопрос, когда же нам будет замена, он ответил: «Мы решили обойтись малой кровью». Да, мы выжали из себя все — молодость, здоровье, силы. Чтобы меньше облучились люди, которые придут к нам на замену и которые мирно трудятся вдали от станции.

Хочется привести слова Льва Бочарова, в 1986г. заместителя председателя комиссии Минсредмаша СССР по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, главного

инженера УС-605: «...там, возле трубы, в ноябре 1986 года местами были точки до 10 тыс. рентген...» (Видеофотолаборатория ГСП ЧАЭС. «На грани невозможного»).

В начале ликвидации был хаос и растерянность

Из воспоминаний воина 731 спецбатальона *Резника Владимира*.

Приехав к месту дислокации батальона, который находился в зоне высокой радиационной зараженности, обратил внимание, что в зоне творился хаос и растерянность. Меня и нескольких моих товарищей как инструкторов-пожарных сразу же вызвали на полигон для проведения испытаний варки и заливки спецпленкой объектов, подвергшихся радиационному загрязнению. Была развернута мобплощадка оперативной группы правительственной комиссии.

Все проводилось в спешке и с большой растерянностью. Большие чины с большими звездами метались с озабоченными лицами. Человек 10 стояли возле полевых кухонь и варили пленку. Затем провели испытания ее на грунте и на крыше дома. Были подписаны документы об удачном проведении испытаний и на этом все закончилось.

После этого мы перестали быть инструкторами-пожарными, а стали, как и сотни наших простых ребят, настоящими ликвидаторами последствий аварии. Проводили уборку разбросанного графита и радиоактивного грунта на территории станции. Этим самым мы готовили подход другим подразделениям, которые смогли бы приступить непосредственно к подготовке и строительству защитного саркофага. Работали по 16–17 часов в день, пока было видно. Защиты от радиации не было никакой. На лице была только марлевая повязка-«лепесток». То ли из-за сильной жары, то ли радиации, некоторые теряли сознание, в ушах звенело, из носа выступала кровь. Во рту чувствовался привкус железа с кровью. А, может быть, еще и потому, что ежедневно в таких условиях делали большой объем работ. Поле битвы никто не покидал. Вот в таких условиях работали воины-ликвидаторы, призванные из запаса в те страшные дни мая–июня 1986 года.

Далее идут воспоминания *Петра Павловича Зборовского* под редакцией Сергея Бабакова.

«...Я и сегодня там, в Чернобыльской зоне»

(Ред. Сергей Бабаков)

Перед рыбалкой заехали с товарищем в гаражный кооператив за снастями. «Порядки у вас здесь, наблюдая скрупулезную проверку пропуска, прямо таки

армейские», — заметил я своему спутнику, дежурным по КПП. «Это точно, — согласился тот, — в охране-то у нас в основном бывшие военные.

Кстати, ты же давно хотел написать о трудоустройстве отставников. Напиши о наших. Один из них, говорят, в 86-м воду из-под четвертого блока откачивал. Помнишь, тогда об этом много писали. Его Петром зовут. Я как-то раз с ним общался — интереснейший человек...».

Через несколько дней, в смену Петра Павловича Зборовского, мы сидели с ним в дежурке гаражного кооператива и говорили о событиях двенадцатилетней давности...

— Накануне встречи с Вами посмотрел изданный в 1989 году справочник «Чернобыль: события и уроки». Так вот, в нем написано, что откачка радиоактивной воды из подреакторного помещения 4 энергоблока была поручена пожарным. А вы, как я знаю, бывший офицер Гражданской обороны...

— Да, я «гэошник». В апреле 1986 года служил командиром четвертой механизированной роты Киевского полка ГО. 26 апреля, в пятницу, была общеполковая вечерняя поверка. Закончилась она поздно, и я остался ночевать в казарме. Ночью полк подняли по тревоге: «Авария на атомной станции в Припяти. Горит трансформаторное масло». Подробностей никаких. Вызвали со всех концов города своих офицеров, выстроили технику в колонну. Где-то в шесть утра, как и было предусмотрено боевым расчетом, в Припять ушел мобильный отряд во главе с командиром полка полковником Владимиром Васильевичем Гребенюком. Человек сто солдат и офицеров, десятка три машин. Из моей роты в его составе убыл на ЧАЭС взвод старшего лейтенанта Макеева. Я сам остался в части. Особой тревоги эти события не вызвали — я тогда уже шестнадцать лет служил в ГО и за это время в ликвидации каких только аварий не участвовал. Где-то под вечер стали говорить, что рванул четвертый реактор. На усиление моботряда уехали еще несколько офицеров. Во второй половине следующего дня поступила команда — развернуть на базе полка 731-й спецбатальон. Вечером стали прибывать первые люди.

— Это было специальное подразделение для ликвидации аварий на атомных станциях?

— Нет. Обычный батальон химической защиты. Рассчитан он был на случай войны и комплектовался солдатами и офицерами запаса. Три роты, несколько отдельных взводов. Около трехсот человек. Только две должности — командира батальона и начальника штаба — занимали кадровые офицеры подполковник Николай Босый и капитан Сергей Волков. «Приписников» привозили из всех военкоматов Киева и области. За ночь их переодели в военную форму, распределили по подразделениям. Я работал на пункте приема офицеров. Утром 29-го, уже перед посадкой на машины, командир полка полковник Гребенюк (он прибыл накануне из Припяти за этим батальоном) принял решение усилить химбат еще четырьмя

кадровыми офицерами. В их числе был и я. Только и успел послать солдата за «тревожным» чемоданом и полевыми брюками. Переодевал их уже в машине. Было такое чувство, что скоро вернусь. Ну, день-два, пока солдаты привыкнут к штатным командирам... Домчались до Чернобыля быстро и сразу под вертолеты — загружать их песком, доломитом, свинцом. Жарища, пыль, грохот двигателей. И так с раннего утра до позднего вечера...

— Как же вы оказались на самой ЧАЭС?

— 1 мая со станции в сторону площадок, где мы работали, пошло красное облако. Вертолеты заглушили. Людей срочно на машины — и за Чернобыль. Наш лагерь был на северной окраине города, километрах в 6–7 от станции. Все в нем бросили, только полевые кухни успели забрать — и удирать. Больше на то место уже не возвратились. Другой лагерь разбили рядом с Дитятками. Туда и подвезли новые палатки, постельное белье, обмундирование. Вечером организовали баню, вымыли солдат, сменили одежду. Где-то к полуночи дошла очередь до офицеров. Только вышел из-под душа, стою, вытираюсь, слышу — меня кто-то ищет. Заходят в палатку незнакомые генерал-майор и полковник. Генерал спрашивает: «Кто капитан Зборовский?». Я отозвался. Собирайтесь. Вас вызывает председатель правительственной комиссии. Посмотрел на часы — час ночи. Я как утром позавтракал — и больше ни крошки во рту. А тут еще наш однопольчанин, который имущество доставил, выпить привез. Мы после бани планировали принять для профилактики граммов по сто. Тогда ведь сухой закон был — все втихаря. «Пока не поужинаю, — говорю — никуда не поеду». Генерал отвечает: «Хорошо, мы подождем». Поел. До спиртного, конечно, не дошло. Перед отъездом Володя Клименко — он сейчас начальник штаба ГО г. Киева — говорит: «Не волнуйся, Петя, у меня заначка есть — мы тебе оставим...».

— Генерал объяснил вам, зачем вызывают?

— Нет, не объяснил. Там узнаете. Приехали в Чернобыль. Правительственная комиссия работала в здании райкома партии. У двери милиционер, вход по пропускам. Поднялись на второй этаж. В приемной секретарь — шустрый такой, «Фигаро здесь — Фигаро там» — проинструктировал, кому и как докладывать. Захожу в зал заседаний, докладываю о прибытии. Навстречу поднимается из-за стола Силаев, председатель правительственной комиссии по ликвидации аварии на ЧАЭС. Среднего роста такой, голова вся седая. Стал так, по-военному, строевую стойку принял, руки по швам: «Товарищ капитан, вам поставлена правительственная задача — откачать воду из-под четвертого блока». Я и подумать ничего не успел — отвечаю: «Есть». Силаев: «Подробности узнаете в штабе у военных. Они в исполкоме. Готовность к работе — 9.00». Вот и весь разговор. Спускаюсь по лестнице, а в голове... Что ж я там за пятнадцать минут успею? Получу свои 700 рентген, и конец....

К тому времени я уже знал от Сани Логачева — командира взвода из нашего полка, который 27 апреля разведку у четвертого блока проводил, — что у стены реактора 2800 рентген. Я еще с училища помнил: 700 рентген — смертельная доза. Вот и прикинул, что хватит меня на четверть часа. Думаю:

«...Это все! Что же делать? А может, ну их к чертовой матери — эти погоны?...».

Иду через площадь в исполком, а навстречу командир полка и зампотех. Гребенюк спрашивает: «Ну что, Петро, какую задачу поставили?». Я рассказал. А зампотех подполковник Букатынский сочувственно так говорит: «Раз у стены 2800, то сколько же под реактором?». Чувствую: если они меня сейчас пожалеют — заплачу...

— А почему выбор пал именно на вас?

— Не знаю. Думаю, сыграло роль то, что я много лет был командиром трубопроводного взвода, хорошо освоил насосные станции. Меня по учениям, показательным занятиям в управлении ГО штаба Киевского военного округа многие знали...

Когда пришел в опергруппу, меня со всех сторон обступили, стали расспрашивать, что и как. Генерал Шматко — он был тогда старшим — уточнил, какие средства для выполнения задачи мне надо: сколько может понадобится людей, какую технику взять.

«Сам,— говорю,— поеду в полк и подберу все необходимое». Генерал одобрил — так надежнее. Я созвонился с полком, рассказал, что мне надо, на машину — и в Киев. К приезду насосные станции уже были готовы — только проверил комплектность, заканчивалась погрузка труб. Люди были из пожарной роты нашего полка Гражданской обороны. Всех солдат я хорошо знал, раньше служил в этом подразделении — месяца четыре как ушел со взвода на механизированную роту.

Со мной поехали и трое офицеров. Командир роты капитан Акимов Николай Михайлович и два командира взводов: лейтенанты Вадим Злобин и Гена Хецев. К рассвету все было готово, и мы пошли на Чернобыль. Колонну вел замкомандира полка, теперь уже покойный подполковник Анатолий Иванович Харин.

— А дома вам удалось побывать?

— Да, заехал на несколько минут. Еще в коридоре разделся до трусов. Чего нести всю эту гадость на одежде в квартиру? Разбудил жену: мол, у меня все нормально, не волнуйся. Я ведь в Чернобыль уезжал — ничего ей не сказал. Телефона у нас тогда дома не было. Поцеловал спящего сына. Ему тогда двенадцать было. Жене ничего говорить не стал. Думаю, если что — потом расскажут, а так... Зачем зря волновать? В общем, попрощался...

В девять был у Силаева. «Готовы?» — спрашивает. «Так точно!» — отвечаю. «Хорошо, не торопитесь. Еще не решили, куда воду откачивать. В десять вы должны присутствовать на заседании правительственной комиссии, а пока разместите людей. Можете занять любое удобное вам общежитие». Я поставил задачу командиру взвода лейтенанту Хецеву заняться устройством людей, а мы с командиром пожарной роты капитаном Акимовым на разведку — надо же знать, где предстоит работать. Подъехали к станции с тыльной стороны. Хорошо был виден разрушенный реактор. А дозиметрический прибор внутри БТРа с электронной цифровой шкалой. Смотрю сверху, с брони, цифры замелькали: «600... 700... 800 рентген». Кричу водителю:

«Давай, хлопчик, назад!». Ушли...

Приезжаю в райком. Началось заседание правительственной комиссии. Заслушивались самые разные предложения о том, куда эту воду девать, но единого мнения не было. Спорили, спорили. В конце концов, Силаев назначил очередное заседание на более позднее время, а главному инженеру и мне поручил выехать на станцию и на месте определить, где и как откачивать воду.

— А разве к этому времени место откачки еще определено не было?

— На теоретическом уровне: «Можно здесь попробовать, а можно здесь...» Мы приехали на станцию, стали прикидывать, откуда можно добраться доводы. Под блоком шел технологический канал, но для того, чтобы добраться до него, надо было проделать отверстие в бетонной стене. Предложения были самые разные: пробить его выстрелом из орудия или гранатомета, прожечь кумулятивной миной. Но кто мог сказать, как поведет себя реактор после такой стрельбы? Решили не рисковать — пробивать отверстие вручную. Построил пожарную роту, объяснил задачу, говорю: «Дело опасное. Нужны добровольцы». Потом в газетах писали, что весь строй сделал шаг вперед. Реально вышли пятеро: сержанты Паша Авдеев и Ваня Максимчук и два ефрейтора Игорь Малодушев и Саня Коршунов. Был еще и командир взвода лейтенант Хецев, но офицера я оставил — кто-то же должен людьми командовать, а эти четверо ребят поехали со мной. На БТРе подошли к стене. Уровни там были большие. Я посчитал, — не больше чем по 12 минут можно работать. Хлопцы по двое из БТРа выбегали и пробивали стену кувалдами. Вижу, трудно идет дело, не уложимся во время — давай им помогать. Проделали дыру. Меня, как водолаза, веревкой обвязали (никто же не знал, что там, за стеной, — вдруг такие уровни, что сознание потеряю), и я полез. В туннеле можно было свободно передвигаться, темновато только. Иду, иду. Слышу — под ногами начало хлюпать. От воды тепло шло — 45 градусов тогда была. Сероводородом несло здорово. Осмотрелся: нет, здесь со станциями и трубопроводами не развернуться. Стал искать дальше. Поднялся по какой-то лестнице, смотрю — вроде подходит. Уже после взял с собою провожатого со станции, двух солдат и добрался с ними туда через 3-й блок. То, что надо!

— А что это было за помещение?

— Технологический зал между третьим и четвертым блоками. Туннель такой. По габаритам — с железнодорожный вагон. Там еще рельсы были проложены. Мощные ворота на въезде... Доложил правительственной комиссии, что место, откуда можно откачивать воду, найдено.

— А как проходили заседания комиссии? Что запомнилось?

— Детали помню уже плохо. Усталость была большая. Спать тогда удавалось урывками, по несколько минут. Я и не брился в те дни, но никто тогда на это внимания не обращал... Силаев — это, конечно, величина. Простой такой. Так он все умело вел. Строгий, но вежливый. Ни разу не заматерился, хотя поводов там хватало. Умел выслушать. Мнений по любому вопросу высказывалось много. Иногда до крика доходило — спорили. Запомнился полуночный звонок Горбачева. Его голос был хорошо слышен в комнате: «Ну что, приняли решение, куда девать воду? У меня здесь тоже рабочая группа сидит, думает. Думайте и вы...». А температура воды постепенно все повышалась — реактор не затухал. Что произойдет, если бетон под ним разрушится и он ухнет в воду, — никто не знал...

И еще остались в памяти слова академика Велихова, не помню уже по какому поводу: «Это военным надо поручить. Они без лишних вопросов задачу выполнят. И условий, как другие, ставить не будут»...

Сижу на заседаниях, слушаю. Вокруг академики, генералы. А я, как пешка. Да я и был пешкой... На пятом или шестом заседании комиссии Силаев мне говорит: «Зборовский, откачивайте воду в хранилище ХЖТО (хранилище жидких топливных отходов). Задача понятна?» Отвечаю: «Никак нет».

— А что ж тут не понятно? Есть пункт «А» — четвертый блок и пункт «Б» — хранилище ХЖТО. Ваша задача — перекачать воду из пункта «А» в пункт «Б». «Это то понятно, — говорю, — но я на этих двухстах метрах всех своих людей пожгу. Там же у блока 2800, у ХЖТО — под тысячу рентген!». Силаев смотрит на ту схему, что перед ним, а там цифры совершенно другие, на порядок ниже. «Кто отвечает за разведку?» — спрашивает. «Генерал Витальев» (фамилия по просьбе П. Зборовского изменена. — *Прим. автора*).

Минут через десять прибыл генерал. Я ему говорю: «Что же вы, товарищ генерал, даете такие данные разведки? Мы ведь с главным инженером и капитаном Акимовым в этом районе уже трижды побывали. Как вашей карте верить?». Тот стал что-то возражать. Силаев послушал, послушал и поручил главному инженеру взять двух дозиметристов со станции, генерала, меня и ехать на место разобраться. Сели мы с генералом в БРДМ (главный инженер уже до этого со мною туда ездил и не стал набирать лишние рентгены), едем. Генерал в машине, я сверху на броне. Водитель был другой, не тот, с которым мы раньше по этому маршруту ездили,

солдат-то надо менять, чтобы не переоблучались. Я ему команду, где направо, где налево. До 4-го блока остается метров пятьдесят. Прибор как пошел считать: «800... 850...» Генерал давай хвататься за рычаги — пытался включить заднюю передачу, а там ведь четыре рычага коробок отбора мощности. Солдат ко мне, чуть не плачет: «Товарищ капитан, скажи те ему! Сейчас обломаемся!»... Едем назад. Генерал говорит: «Может, не будем докладывать?». Я ему: «Согласен! Если вы вместо меня пойдете воду откачивать»... Он глаза в сторону отвел и всю обратную дорогу промолчал...

— И что же вы доложили Силаеву?

— Я ничего не докладывал. Когда зашли к нему, он меня спрашивает: «Ну что, товарищ капитан?». Я молчу, смотрю на главного инженера. Тот: «Все как докладывал Зборовский». Тут подбегает к генералу командующий ставкой генерал армии Герасимов. Погоны с него сорвал, фуражка генеральская на пол упала. Мать-перемать: «И вы посмели! Эти доклады в Москву идут! Вон отсюда!»... Витальев ушел... Силаев обращается ко мне: «С ХЖТО понятно. Что же предлагаете вы?». А я каждый раз, когда на станции бывал, расспрашивал ребят из дежурной смены, куда б эту воду откачать. И вот накануне этого разговора с Силаевым заступивший дежурный инженер говорит мне: «Что вы тут двое суток колотитесь? В конце станции, за территорией, есть два резервуара и железнодорожная ветка к ним подходит». Дал нам сопровождающего, и мы с Акимовым поехали посмотреть. Точно: метрах в ста от Припяти два бассейна тысяч на двадцать—двадцать пять кубов. Один был пустым, второй наполовину заполнен чистой водой — мы ее потом в Припять откачали. Уровни там небольшие — максимум полрентгена. Как раз то, что мы искали. Сверху воду, чтоб не испарялась, можно было залить каким-нибудь негорючим техническим маслом. Все это я доложил Силаеву. Тот тут же поставил задачу академику Александрову проработать это предложение и объявил на два часа перерыв...

Я пошел искать, где бы перекусить, и встретил по дороге подполковника Миронова — начальника инженерной службы ГО Киевского округа. Он был в курсе и спрашивает: «Петя, зачем тебе с металлическими трубами связываться? Попроси у Силаева пожарные насосные станции ПНС-110. У них все рукавные ходы гибкие и производительность в два раза выше, чем у наших насосов...». Как я сам до этого не додумался? Прикинул, посчитал... На очередном заседании правительственной комиссии поднимаю руку: «В МВД есть станции ПНС-110...». Генерал армии Герасимов меня перебивает: «Вы что, хотите переложить выполнение задачи на МВД?». «Нет, отвечаю, у меня все солдаты обучены, справятся, а вот техники нужной не хватает». Силаев кивает мне: «Продолжайте!». Я зачитал свои расчеты, характеристики насосных станций. Прозвучало все это убедительно. Тут же были отданы распоряжения о выделении всего необходимого...

— А что это за насосные станции ПНС-110?

— Вы их наверняка видели. Типа пожарных машин, только с насосной установкой в кузове. 110 литров в минуту перекачивают! Получали мы их в Чернобыльском пожарном депо. Тут прибегают посыльный: «Вас снова на заседание!». Оказалось, температура воды стала подниматься и дошла до 80 градусов. Мне поставили задачу ускорить подготовку к откачке. Вернулся в депо, построил пожарных. Говорю: «Хлопцы, будем делать откачку воды из-под четвертого блока. Мне нужны только водители, но если кто из расчета насосных станций пойдет со мною, то будет, конечно, лучше — вы свою технику знаете. Если нет — справимся сами». Вышел майор Нагаевский из Белой Церкви и с ним пять человек. Правда, один потом драпака дал. Пришел расчет из Житомира. Многих фамилий уже не помню — пусть ребята не обижаются. Сколько лет никому не рассказывал — кое-что уже подзабылось. Ну и моих двадцать ребят. На лугу развернули рукавные ходы, проверили станции. К началу второго ночи были готовы к действиям. Позвонил секретарю Силаева, доложил. Тот уточнил у Силаева: «Ждите команды!» Утром снова: «Ждите». Я, пока суд да дело, разыскал начальника караула, охранявшего станцию, — нам ведь надо было проделать проход в ограждении напротив бассейнов. Возле четвертого блока к развалинам можно было подъехать свободно, а остальная территория охранялась, электрические заграждения были под напряжением. Тот сам этот вопрос решить не мог, пришлось мне звонить в Киев. Там пообещали отключить напряжение на нужном нам 362-м участке. Оставалось ждать команды...

— А почему же ее не давали?

— Обстановка тогда была сложная. Опасались взрыва реактора. Но вечером 5 мая все-таки поступила команда «вперед». Подъехали мы к забору станции. Я бросил кусок проволоки на ограждение — искрит. Разыскивать того, кто отключит напряжение, было некогда. Даю команду. Обрушили БТРом бетонные плиты забора. Потом поставили БРДМ, направили его, водитель выпрыгнул, и машина пошла мять проволоку. Все засверкало, заискрило. Отключился участок в 18 метров. Пробили второй проход в заборе. Стали укладывать трубопровод. А это километра полтора. Каждые 20 мет ров надо было соединять муфты. На участке метров в двести пятьдесят было особенно опасно: от 250 до 800 рентген, а потом — ближе к первому блоку — спад до 50–80 рентген и ниже. Завели и установили в туннеле насосные станции. БТРом вырвали лестничный марш — он мешал опустить всасывающий рукав. Запустили насос. Все вроде нормально — вода пошла. Убрали людей в безопасное место и только вроде вздохнули, а насос поработал, поработал и заглох. Пошли с Колей Акимовым разбираться, в чем дело. Осмотрели ПНС — вроде все в порядке. Надо проверять в работе. Запустили двигатели. Ждем. Смотрим, туннель начинает все больше заполняться дымом. Двигатели — «чих-чих» и остановились. Пришлось открывать ворота в помещение. Уровень радиации подскочил сразу в десять раз — 250 рентген! Но деваться некуда — так и держали ворота приоткрытыми. Один поход к насосам и обратно — если быстро — это 3–4

рентгена. Каждые три с половиной часа надо было доливать бензин. А тут еще одна станция через восемнадцать часов работы вышла из строя — пришлось ее менять...

Только вроде работа наладилась — новая беда. Какие-то разведчики на гусеничном ходу подъехали к четвертому блоку и повредили наши трубопроводы. С вертолета, который вел наблюдение, сообщают, что видят фонтаны. Пришлось устранять повреждения, а у меня шесть человек осталось и у всех уже по два десятка рентген...

— А какие тогда были установлены предельные дозы облучения?

— Когда мы начинали работу, их еще не было. Я знал, что в боевой обстановке допускалось получение 50 рентген в течение четырех дней. А сколько в мирное?..

Зная, сколько «светит» вокруг, конечно, было страшно. «Никто не хотел умирать». Помните такое название фильма? Вот и там так. Каждый час надо было проводить замеры уровня и температуры воды. Результаты по телефону докладывал Силаеву, а ночью его секретарю. Ходить к насосам приходилось через первый, второй и третий блоки. Шли только по двое. Боялись, вдруг один потеряет сознание или ориентацию. И вот мне в очередной раз идти. Посмотрел по учету, у кого там рентген поменьше, и говорю одному офицеру-пожарнику: «Пошли со мной!». Он отказывается. Я построил всех офицеров, говорю ему: «Не буди во мне зверя! Если ты, падла, не пойдешь — сейчас дам команду солдатам, свяжем и выкинем возле четвертого блока. Через пятнадцать минут ты вообще никому ничего не скажешь».

К майору Нагаевскому обращаюсь: «Вы со своими людьми можете разобраться?». Он мне: «Петр Павлович, мы выйдем, поговорим». Не знаю, что там между ними было. Через пять минут возвращаются — оба красные, как раки. Капитан одел ОЗК и пошел со мной...

Я все понимаю. Всем было страшно. Может, надо было как-то по-другому тогда с тем офицером поступить, но меня почему-то зло взяло? Тут пацаны по 18 лет жизнями рискуют, а он, капитан, ровесник мой — мы все-таки уже пожили хоть немного — за их спины прячется...

— Заранее прошу прощения, если обижу вопросом, но он напрашивается в связи с рассказанным. А «фронтовые» сто граммов «для храбрости» давали? В Киеве тогда на этот счет самые разные слухи ходили.

— Вам на станции приходилось бывать?

— Да. В феврале–марте 1987 года принимал участие в дезактивации подвалов и крыши 3-го энергоблока...

— Ну, тогда что вам рассказывать. Там этих коридоров, лестниц, переходов, подвалов — трезвому бы разобраться. Кажется, на вторые сутки идем мы из туннеля

в наш бункер вместе с Николаем Акимовым. На отметке 9,8 надо было повернуть налево, а мы ошиблись — и направо. Выбрались в какой-то коридор, бежим по нему и вдруг видим - впереди стенка сложена из свинцовых чушек. А за ней — четвертый блок! Развернулись, отбежали, я и говорю: «Коля, давай посидим. Меня ноги больше не держат». А если бы этой стенки не было?...

Нет, официально «для храбрости» нам не наливали. Пожарным кто-то из руководства передал бутылку спирта. Нагоевский спрашивает: «Ну что, командир?» Я разрешил тем, кто в свободной смене, понемногу выпить.

— А сами?

— Нет. Какой смысл теперь врать? Мне же людьми надо было командовать. Чтобы они обо мне подумали?

— Но страх-то был? Вы ведь понимали, что вас ждет?

— Вначале не очень. Успокаивал себя тем, что не пошлют же на верную смерть. А потом, когда по станции походил, с людьми пообщался, чувствую, они на меня как на смертника смотрят. Персонал ведь уже знал о судьбе тех, кого тогда, 27 апреля, в Москву вывезли. Тогда, конечно, стало доходить.

— И все же пошли откачивать воду...

— А что оставалось? Я ведь к тому времени владел обстановкой, знал, что, где и как. Сам же предлагал, какие насосы использовать, где их поставить, куда воду сбрасывать. Все прикинул, рассчитал, чтобы людей зря не жечь. В той обстановке перепоручать все это кому-то?.. Не знаю... Тогда таких мыслей не было... И потом была надежда на чудо: все обойдется и я останусь жив. Я, когда в военном училище учился, много всяких историй о радиации слышал. Были среди них и с хорошим концом.... Да и потом у меня уже был опыт работы с радиацией. Еще когда учился, нас вывезли под Челябинск на полигон ГО. Там когда-то реактор взорвался. Слышали, наверное? Там было 13 маршрутов. Чем выше порядковый номер, тем выше и радиация. По тринадцатому вообще можно было только на танке передвигаться — 250 рентген! И вот мы впятером — водитель и четыре курсанта — едем по этому маршруту. И надо же — танк съехал с насыпи и застрял! Я прибор ДП-5 включил — зашкаливает. Мы тогда оружие и вещмешки в танке оставили, закрыли его и бегом 3 километра в «чистую» зону. Тогда все обошлось. Уже после Чернобыля врач мне что-то объяснял по этому поводу. Мол, тренировка на пользу организму пошла...

— Сколько времени продолжалась откачка воды?

— Мы продержались больше двух суток. Ночью с 7 на 8 мая нас сменили ребята из одесского полка ГО. Я своему сменщику, майору, все показал, рассказал. Им

оставалось откачать воды еще сантиметров 70. Мы начинали с 4 метров 30 сантиметров. Насколько я знаю, к вечеру 8-го эта работа была закончена.

— Было опасно, страшно. Неужели не возникало мысли отказаться? Ведь можно было найти повод. Какую дозу облучения вы получили до начала работ по откачке воды?

— 12 рентген у меня было еще под вертолетами. Потом четыре разведки. Мой индивидуальный дозиметр — а он на пятьдесят рентген рассчитан — к началу откачки воды зашкалил. Мы потом на станции пользовались приборами персонала. Получалось, что стационарный дозиметр показывал на одних и тех же участках в два раза больше нашего армейского. Знаю, некоторым ребятам потом пересчитывали дозу облучения: в среднем получалось в три раза больше, чем писали тогда в учетную карточку.

— А вам пересчитали?

— Зачем? Сейчас это уже ни какой роли не играет... А что касается повода, то были такие, которые его в первый же день находили. На станции дали мне заместителя — подполковника из службы ГСМ округа. Так он, пока мы насосы устанавливали, исчез. Мне потом говорили, что пешком со станции ушел. Но, правда, спасибо ему, он мне на следующий день со старшим лейтенантом два бензовоза прислал...

— Наводя справки, позвонил в несколько организаций, занимающихся «ликвидаторами», и всюду на вопрос о вас слышал встречный: «А он что, еще жив?». Петр Павлович, о вас что же все забыли?!

— Ну почему. Из полка каждый год на День части приглашения присылают. Ребята из 731-го батальона звонят... А так... Да я без обид... У меня все нормально. Сын уже старший лейтенант — по моим стопам пошел. Внучка растет, работаю вот пока... Мне грех жаловаться... Обо мне тогда газеты писали. В музее на Подоле есть стенд, мне посвященный. Спасибо пожарным — помнят. Сам, правда, не видел, но кто-то мне говорил, что есть... Да, чуть не забыл, в 86-м году стал семимиллионным посетителем Музея Великой Отечественной войны.

— Как же вам удалось?

— Повезло. Позвонили из политуправления: «Капитану Зборовскому с десятью солдатами прибыть в Музей Великой Отечественной войны». Пришел и оказался юбилейным посетителем.

— Перед встречей перечитал некоторые публикации 86–87 годов о вас, однако не встретил в них многих важных деталей, услышанных сегодня.

—Но это же когда писалось? Читаю: вроде бы я — и в тоже время не я. Больно правильный получился, да и приврали кое-где. «...Пробили дырку в реакторе и откачали воду». Правда-правда. Так и напечатано. А в одном журнале написали, что мне дали новую квартиру, машину и дачу...

—А как было в действительности?

— К концу вторых суток работы на станции какой-то гражданский привез мне тысячу рублей — премию от Силаева. Наградили тогда 15 человек. Из военных — один я. Деньги были в конверте. На нем, правда, было написано не Зборовский, а Боровский, но все остальное совпадало: «...Петр Павлович, капитан, полк ГО». Гражданский этот говорит: «Значит, вам»... Ночью, 8-го, нас сменили, а на следующее утро меня вызвали к Силаеву. Я как был в белой «станционной» одежде (форма «засветила» еще в первые часы работы), так к нему и прибыл. Шло какое-то совещание, у него было человек 15–20. Он, как и в первую нашу встречу, поднялся из-за стола, стал по стойке «смирно»: «От имени ЦК КПСС, советского правительства за выполнение особо важного задания объявляю вам благодарность». Я как и положено: «Служу Советскому Союзу!». Силаев мне: «Ну, подойди, сынок». Пожал руку, обнял. «Чем мог в этих условиях, я вас отблагодарил. Остальное — за правительством. А сейчас — в госпиталь»...

Возвратился я в Киев. Пошли разговоры, что меня представили название Героя Советского Союза. Ну, Героя — так Героя, не мне судить. В декабре в Москве прошло награждение «чернобыльцев». Из нашего полка никто тогда наград не получил, а ведь наши в моботряде действовали с первых часов после аварии, и награждать было за что. Обо мне стали говорить, что с Героем не получается и, наверное, будет орден Красного Знамени. А я что? Орден — так орден. Подходит февраль, День Советской Армии. Все ждали: ну теперь уж точно придут в полк награды. И опять мимо. Саня Логачев — он большой правдолюбец — стал возмущаться, в газеты писать, Горбачеву. Наконец состоялся указ. 64 человека из нашего полка наградили орденами и медалями. В том числе и тех, с кем я тогда «воевал». Командира нашего полковника Гребенюка и меня в списках награжденных не было. Ребята говорят: «Хороший знак. Значит, будет отдельный указ — получите по максимуму». Прошло еще время, и уже в мае 87-го пришла награда и мне — орден Красной Звезды. Читаю выписку из указа: «...За освоение новой техники и оружия»... А Гребенюка еще позже, только перед уходом на пенсию, орденом «За службу Родине» III степени наградили.

— А как вы думаете, почему с награждением так получилось?

— Трудно сказать. Я был далек от всей этой «кухни». Уже позже мне один кадровик объяснил, как оно могло быть. «Скорее всего, — говорит, — для ГО разнарядки на Героя не было, да и, согласись, не тянул ты: двенадцать лет командир взвода, из партии исключали (было дело — выпивши домой возвращался, и меня избили и

ограбили. Партбилет пропал), взыскания по службе имел. Национальность твоя — поляк — тоже могла роль сыграть. И потом: дай Героя тебе, второму, третьему, что в мире подумают? Что катастрофа действительно о-го-го! А нашим политикам тогда это было ни к чему. Вот представление болталось, болталось по наградным отделам, пока твою фамилию не пристроили в числе прочих в очередной указ...». Может быть, так и было. Не знаю... Но и Красная Звезда — высокая награда. Орден боевой, ими в Афгане наших ребят награждали. Если по большому счету брать, то и Сане Логачеву, и всем вертолетчикам надо было Героев давать — они ведь над реактором проходили, а там десятки тысяч рентген. А наши ребята из 731-го спецбатальона? Сколько они пыли радиоактивной под вертолетами наглотались. А им даже медалей не дали...

— Не могу не спросить о здоровье. Как вы после всех этих испытаний?

— Спасибо. Сейчас более-менее нормально. А вначале... Нас ведь тогда, ночью 8 мая, почему сменили. Стал я в очередной раз от дежурного по станции Силаеву докладывать и во время разговора потерял сознание. Дежурный трубку поднял, объяснил, что случилось. Силаев дал команду немедленно всех нас заменить... Пока до госпиталя добирались, я еще трижды сознание терял. Привез людей в Киев, устроил их в госпитале, а сам прошусь домой — узнать, как там мои. Вы же помните, какая тогда обстановка в городе была. Заведующий отделением — ни в какую. До скандала дошло, в полк замкомандира звонили, что не хочу ложиться. Я говорю: «Все равно уйду». В конце концов отпустили до 9 утра. Я в полк. Когда перед госпиталем заезжал туда, дал замполиту своего батальона 100 рублей и знал, что ребята стол уже накрыли, ждут меня. Сели. Я всего две рюмки выпил, а ударило в голову так, как две бутылки. Коля Олишевский меня домой на своих «жигулях» отвез, до квартиры проводил. Захожу домой — никого нет. Вышел на улицу, позвонил сестре. Она говорит: «Сын у нас, а Лиля в больнице». Поймал такси, подъезжаю к больнице. Час или два ночи, только кое-где окна светятся. Стал я посреди двора, как заору дурак: «Ли-ля! Ли-ля!». В нескольких окнах свет загорелся. На четвертом этаже одно открылось. Смотрю — моя. Кричу: «Лиля! Я живой!». Она мне: «Хорошо, хорошо. Завтра приходи, не буди людей»...

— А что показало на следующее утро обследование в госпитале?

— В госпиталь утром не попал. Стыдно признаться, загулял я тогда. Хотел из больницы домой, но... Уже днем,

по телефону, нашла меня у приятеля жена: «Петя, тебя по всему городу ищут! Я из больницы домой ездила. Думали, может, ты в квартире сознание потерял. Сейчас возле нее патруль стоит — тебя ждет. Давай быстрее в госпиталь!». Неудобно так стало — обещал ведь к девяти быть. Быстренько домой, через соседский балкон к себе в квартиру, переоделся в форму и в госпиталь к начальнику отделения. Покаялся — простил... В госпитале мне три раза кровь вливали. Неприятная

процедура — часа два потом трясет всего, температура высокая. Дважды в день брали кровь на анализ. Там тогда ученых со всего Союза наехало — изучали нас. На следующий день меня друзья пришли проведать. Я одного из них попросил купить чего-нибудь выпить. А тогда ж в Киеве — вы помните, конечно, — со спиртным было туго. Он приносит две бутылки «КВ» по тридцать с чем-то рублей. Второй знакомый подъехал — бутылку спирта привез. Вечером у меня в палате собрались все офицеры-чернобыльцы... Через день вызывает меня к себе начальник отделения полковник Степанов: «Петр Павлович, ты что вчера пил?». Я насторожился: «А что?». Да анализы крови у тебя стали нормальными. Ну я рассказал, какой «букет» мы употребляли. Врач меня спрашивает: «Сегодня уже завтракал? Анализы брали?». Я говорю: «Пока нет». Он открывает сейф, достает бутылку коньяка, наливает мне стакан: «Пей!». Я засмутился, а полковник: «Давай, давай! Понемножку можно. А вот на ночь не пей!»...

— И что, помогло?

— Трудно судить. Я в госпитале всего пять дней был. Сына со школой вывозили в Донецк, надо было его собрать, проводить, а жена в больнице. Не хотели выписывать, но я пообещал, что каждый день буду кровь сдавать. Отпустили. Лечения все равно никакого не было. Две таблетки димедрола утром, две — вечером, и все. А тут новые ликвидаторы поступают, для них надо место освобождать...

—А позже вы обследовались?

—Да, был дважды в «чернобыльском» медицинском центре. Тогда, в 86-м, чувствовал себя неважно. Помню, командир — а он тогда еще в худшем состоянии, чем я, был — окликает: «Петро, а ты сознание теряешь?». Открываю рот, чтобы ему ответить, и в этот момент «отключаюсь»... Потом началось отслоение сетчатки глаз... Ну, ничего, постепенно оклемался.

А вот самому Гребенюку досталось — еле выкарабкался. Он ведь с первых часов был в Припяти...

В 93-м, майором, не дав дослужить до 25 лет, уволили в запас. Не хочу говорить на эту тему — и сегодня болит. Уже в запасе получил подполковника. На «гражданке» чем только не занимался, кем только не работал, пока здоровье позволяло. А в позапрошлом году возвращался на своем «москвиче» от родственников и попал в аварию. Потерял за рулем сознание, а скорость была где-то под 100. Жена — она за мной сидела — позже рассказывала: «Захрипел, упал, голова на сиденье, а руки так на руле и остались. Их потом монтировкой разжимали. Машина несколько раз перевернулась и стала на крышу». Я побился. Был раздроблен 6-й позвонок, руки-ноги не шевелились, но, как видите, жив. А на жене — не поверите — ни одной царапины!.. Вышел из больницы — стал оформлять инвалидность. Почти год этим занимался....

Прихожу первый раз в свою поликлинику, врач мои документы посмотрела и в крик: «Да Вы придурок! У меня люди с 18 рентгенами ручку на двери выламывают, а Вы со своими 65 рентгенами даже на учет после увольнения из армии не стали!» ...Сейчас на второй группе... Сторожу вот... Кстати, когда инвалидность оформлял, уйма всяких справок понадобилась. А там строго: копии не годятся – только подлинники. Поехал в архив. Нашли документы нашего полка. Смотрят, а в них приказ о моем убытии на ликвидацию последствий аварии на ЧАЭС есть, а о том, что назад возвратился, – нет. Видно, писарь по невнимательности фамилию мою пропустил. Так что по бумагам я и сегодня там, в чернобыльской зоне...

Не дождетесь!

Спустя много лет после аварии на ЧАЭС приходится переосмысливать те события 1986 г. и отношение руководителей государства к ликвидаторам.

Трудно даже представить, что оставшимся в живых воинам-ликвидаторам, которые отдавали тогда свое здоровье, а впоследствии и жизни, еще придется отстаивать свое право на оставшуюся жизнь.

Закон Украины «О статусе и социальной защите граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской катастрофы» не является Законом для госслужащих нашего государства. Существуют Постановления Кабинета Министров Украины, которые вносят изменения в этот Закон. Например, выплаты на ежегодное оздоровление уменьшены в несколько десятков раз, пенсии уменьшены в несколько раз, количество санаторно-курортных путевок меньше в несколько раз.

Получается, что Закон, принятый высшим законодательным органом Украины — Верховною Радою — может изменять по своему усмотрению высший исполнительный орган страны — Кабинет Министров Украины.

И когда чернобыльцы собираются на митинг у стен Кабмина отстаивать свое право на жизнь и напомнить о Законе, становится как-то грустно, что ликвидаторы, спасшие государство, теперь защищаются от этого государства, которое равнодушием и беззаконием давит на этих людей.

Из здания Кабмина редко кто выйдет к чернобыльцам. За массивными стенами, дверьми и закрытыми окнами им будто говорят: «Не дождетесь!»

Да, меняются руководители государства, а это высказывание неизменно. Приходилось несколько раз участвовать в этих митингах, хотя не нравятся мне эти мероприятия. И было стыдно за наших руководителей государства всех рангов. Ведь это ваши спасатели отстаивают свои права согласно закона, который Вы, руководители, нарушили. Они спасли Вас, Ваших детей, целые поколения, а Вы теперь издеваетесь над ними. Создаете законы, чтобы иностранные наблюдатели видели, что они есть, и тут же исполнительная власть изменяет их.

А сейчас в митингах мы не участвуем, уже почти никому. После 2 издания книги в 2009 г. мою пенсию уменьшили на 12%, а затем уменьшили в 2,5 раза. В пенсионном фонде при этом добавили, что писать надо меньше было. Адвокат сказал, что по чернобыльцам дела выигрывают только 10% из 100 поданных заявлений. Шел домой и думал: «Люди, за что Вы нас так ненавидите? В чем мы виноваты?» И как ответ вспомнил слова старшины 3 роты Ревчука Михаила в своем коротком интервью корреспонденту: «Мы виноваты в том, что мы еще живы!». Кратко и понятно. Печально то, что наше общество находится на таком низком уровне духовного развития. Уничтожает своих же спасателей.

Когда мы собираемся на день ликвидатора у памятника воинам-ликвидаторам или на какую-то годовщину Чернобыльской трагедии 26 апреля, я мысленно стою по стойке «Смирно!» перед оставшимися в живых воинами нашего спецбатальона. Какую тяжелую работу Вы выполнили в далеком 1986 году, какой непосильный труд лег на Ваши плечи, какое облучение Вы получили! Но человечество в целом не поняло этого, да и не хочет этого знать. В нашем государстве все скрывалось. В Международное Агентство по Атомной Энергетике (МАГАТЭ) подавались успокаивающие сведения по уровням радиации, по масштабам аварии, по заболеванию ликвидаторов и населения. Даже сейчас, спустя много лет после аварии, нет в продаже дозиметров. И до настоящего времени хотя бы морально не осуждены руководители партийной, законодательной и исполнительной власти за сокрытие аварии, облучение миллионов граждан, а впоследствии и преждевременный уход из жизни людей. К 2009 году из четырех заместителей командира батальона за период с 30 июля по 9 сентября 1986г. в живых остался один, из трех командиров батальона первых призывов в живых один, из семисот человек призыва — май, июнь, июль 1986 г. в живых около двухсот человек. Пока книгу готовили к печати, ушли из жизни капитан Зборовский, капитан Полищук, о которых упоминалось в книге. Вечная им память.

А проблемы ликвидаторов так и не хотят решать ни во имя павших, ни во имя живых. Доходит до абсурда и кощунства. Пример — умирает ликвидатор. У него была группа инвалидности, заболевание связано с ликвидацией аварии на ЧАЭС. Но вдова ликвидатора не может перейти на его пенсию. Надо, что бы врач-патологоанатом при вскрытии трупа в морге сделал запись, что смерть произошла от последствий аварии на ЧАЭС. Только потом вдова может добиться получения пенсии, которую будут выплачивать на 50% меньше, чем получал ликвидатор. Можно представить, в какие рамки поставлен так же и врач в этой ситуации. Это не нормальное распоряжение могли придумать только соответствующие люди.

Например, такой проблемы у госслужащих нет. Оставшийся в живых один из супругов пишет заявление в пенсионном отделе и автоматически переходит на пенсию умершего госслужащего, которая повышается при повышении зарплаты госслужащим.

По медицинскому обслуживанию и лечению тоже существуют различные ухищрения, по-другому не назовешь. Например, чтобы попасть на лечение в Чернобыльскую больницу, надо взять направление в поликлинике по месту жительства. Затем поехать и пройти медицинскую комиссию в Чернобыльской поликлинике. Если будет медзаключение на госпитализацию, то выдадут талон для госпитализации через месяц или два в Чернобыльскую больницу.

Помню, в Чернобыльской больнице проходил медкомиссию для госпитализации. Один чернобылец выходит из кабинета врача с каким-то растерянным видом. Оказывается, у него верхнее давление было 190 мм, а врач сказал, что это пограничное давление и госпитализация Вам не обязательна.

Из нашего батальона Василий Капуста лечился в больницах. Врачи ему говорили, что опухоль ноги — это следствие радиационного облучения. Когда боли в очередной раз усилились, начал проходить медкомиссию в Чернобыльской поликлинике. Ему выдали талон на госпитализацию через полтора месяца. Мне по телефону говорил, что боли невыносимые, если ждать полтора месяца, то лечиться надо будет еще и у психиатра.

Еще пример. У меня была сильная рвота, сильная головная боль. Жена звонит в неотложную помощь. По симптомам протекания болезни ей ответили, что это спазмы сосудов головного мозга. Теперь представьте, какой путь надо пройти, чтобы попасть в Чернобыльскую больницу. Три дня промучился дома, потому что были выходные. В понедельник дошел до поликлиники, где выдали направление в Чернобыльскую поликлинику. В этот день туда не поехал — не было сил. На второй день приехал в поликлинику. Врачу все объяснил. Мне выдали список врачей для прохождения медкомиссии. Но сначала надо сдать анализы.

А сдавать анализы надо на следующий день с утра натощак.

Это уже третий день: сдать анализы, пройти ЭКГ (электрокардиограмму) и РЭГ (реоэнцефалограмму) головного мозга.

Анализы крови будут готовы только на следующий день. Это уже четвертый день нахождения в поликлинике. Имея результат этих анализов, можно идти на прием к врачам.

Получается, что нужна неделя или больше для прохождения медкомиссии, чтобы дали заключение относительно госпитализации. Если положительное, то дают талон на госпитализацию через месяц или два. Раньше талоны выдавали в поликлинике по месту жительства и меньше было проблем.

По состоянию здоровья не мог ездить и проходить комиссию. Да и какой смысл проходить. Хотя бы и хватило сил пройти медкомиссию и даже получить разрешение на госпитализацию, то в больницу по талону можно лечь через месяц

или два. До того времени, возможно, уже больница не пригодится, что часто с ликвидаторами и бывает. Среди личного состава нашего батальона смертность очень высокая — 75% к 2009 г.

Поехал в Чернобыльскую больницу. Если положат, то буду лечиться. Если не положат, то все будет рассчитано на самовыживание. А что делать? Там меня выслушали и сразу же госпитализировали, за что этим врачам очень благодарен.

Жаль, что нет достойного отношения государства к настоящим ликвидаторам. Возможно, эта авария была проверкой для людей со стороны природы — на каком духовном уровне развития находится народ. И, возможно, природой готовился другой путь развития нашего общества после аварии. Но, к сожалению, люди не выдержали этого испытания. Испытания властью, деньгами, отношением к гражданам — как к брату и сестре, как к дочке и сыну, как к отцу и матери. Жадность, нажива за чужой счет — все это пороки нашего общества. А те, кто их спас и в войну, и в мирное время, — им не нужны. А если природа примет решение, что такой народ ей не нужен? Отбирать по одному человеку она не будет. Тогда гибнут целые народы. Об этом, наверное, мало кто думает. Но это уже отступление, и пусть такое не случится.

Единственное, что могут в ответ говорить оставшиеся в живых ликвидаторы госчиновникам, — это их фразу: «Не дождетесь!», имея в виду, что мы, ликвидаторы, еще будем жить. Но, к сожалению, с каждым годом эта фраза от настоящих ликвидаторов слышится все реже и реже.

Открытое письмо

Командира 731 отдельного батальона специальной защиты полковника запаса Босого Н.Ф. к личному составу батальона.

Дорогие побратимы! ...То время, которое было проведено в районе ЧАЭС, глубоко останется в каждом из нас. Помните, когда служащие 11 военкоматов г. Киева и Киевской области с представителями милиции при табельном оружии забирали Вас с рабочих мест, общежитий, свадеб и без всяких пояснений привозили на сборный пункт.

Помните, как в 5 часов 29 апреля 1986 года Вас, наспех переодетых на 70% в военную форму, посадили на грузовики и повезли в неизвестном направлении. И в 10 часов 30 минут этого же дня Вы были на пустынном берегу затоки Днепра возле села Лельов. Помните, какая задача была поставлена Вам для выполнения «Особо важного правительственного задания» по загрузке вертолетов мешками с сыпучими материалами и свинцовыми слитками, которые складывали их в купола грузовых парашютов, под названием «парашютные куклы».

Эти «куклы» потом цепляли к сцепке вертолета, который зависал над землею на высоте 1–1,5 м, поднимая страшную радиоактивную пыль, которая разъедала ничем не защищенные Ваши глаза, набивалась в рот и нос, поражала не защищенные лицо и руки. Радиоактивная пыль толстым шаром оседала на верхнюю одежду, проникала через нее и загрязняла нижнее белье и тело. Поток ветра из-под винтов вертолетов был настолько сильным, что устоять на ногах было очень трудно.

Подлета двух-трех вертолетов было достаточно, чтобы вся загрузочная площадка покрылась сплошной пылью на высоту до 30 метров. И вследствие того, что вертолеты работали постоянно, они приносили на своих корпусах радиоактивную пыль. Поднятая в воздух пыль постоянно пополнялась новыми порциями радиоактивности и так день за днем по 16 часов в сутки с 29 апреля 1986 г. по 6 мая 1986 г.

Помните Вы и то, что для выполнения заданного графика полетов вертолетов на следующий день из-за отсутствия мешков Вам 29 и 30 апреля после завершения полетов винтокрылых машин довелось из последних сил при свете автомобильных фар наполнять мешки загрузочным материалом. И после бессонной ночи Вы опять грузили ли вертолеты, которые без конца подлетали к загрузочной площадке. Что двигало Вами, из каких источников черпались силы? Наверно, страх возможных фатальных последствий для Украины, города-героя Киева, преодолевал утомленность. И как настоящие патриоты своего государства, Вы не считались ни с чем и смело вступили в неравный бой с безжалостным ядерным монстром. И так день за днем по 16–17 часов в сутки. И Вы вышли победителями.

Помните, когда не было чистой одежды, Вы вынуждены были носить грязную радиоактивную одежду по несколько дней.

Помните Вы радость 2 мая 1986 г., когда по данным радиационной разведки стало известно, что выбросы уменьшились, хоть и незначительно, но это была первая победа! Она дала Вам силы и Вы работали с одним желанием — быстрее заглушить реактор, спасти Украину, ее народ от страшной беды. Спасти г. Киев от выселения и превращения его в мертвую зону.

Но, к великому сожалению, Ваши стремления, Ваше сверхнапряжение физических и моральных сил не были достойно оценены властью и со временем стали об этом умалчивать и забывать. За спасение Украины Вы заплатили дорого, отдав свое здоровье, многие оставили детей сиротами, а жен вдовами.

С 6 мая 1986 г. по 19 мая 1986 г. начался второй период проведения работ по упреждению страшного для Украины водородного взрыва. По оценке специалистов международного уровня, например, академика Легасова, разрушительная сила такого взрыва могла уничтожить все живое в радиусе 500 (пятьсот) километров. Одновременно могли бы погибнуть 35–40 млн. людей. Бойцы 731 ОБСЗ (25 добровольцев) непосредственно выполнили монтаж и обслуживание трубопровода

для откачки воды из 4 реактора, за что вся группа была отмечена Правительственной комиссией — награждена денежной премией.

Замена личного состава батальона была проведена 16 мая 1986 года под командованием подполковника Муравского Владислава Владимировича, который, к большому сожалению, не дожил до наших дней.

Задачей батальона было проведение дезактивации территории ЧАЭС методом снятия вручную верхнего слоя грунта, зараженного продуктами ядерного топлива, выкинутого из реактора. Снимали грунт лопатами и загружали его в контейнеры для вывоза специальными автомобилями во временные хранилища.

Такое можно было увидеть во сне или прочитать в фантастической литературе. Для здравого ума это не постижимо, когда рядом с тяжелой техникой, типа БАТ-М с пятью степенями защиты, обшитыми 10 мм свинцовыми листами; КРАЗ с кабиной, обшитой свинцом и узкой наблюдательной щелью для водителя, работали лопатами бойцы 731 ОБСЗ — военнообязанные, призванные из запаса. Из средств защиты — марлевые повязки (гражданский респиратор «лепесток») на лице, одеты в полевую хлопчатобумажную солдатскую форму и кирзовые сапоги. В то время, когда уровни радиации на отдельных участках достигали до 1000 (тысячи) рентген в час.

Подобное можно было наблюдать в районе Семипалатинска или полигона Капустин Яр при проведении ядерного взрыва, когда на различном расстоянии от эпицентра взрыва привязывали животных (овцы, кони, коровы) для проведения опытов воздействия радиации.

Все эти мероприятия планировались, проводились и обеспечивались солидными армейскими должностными лицами в генеральских погонах и безграмотными чиновниками всех эшелонов государственной и партийной власти, для которых простой гражданин государства, который их спас, стоит на уровне овцы.

Как можно оценить тот вклад, который Вы, бойцы, внесли своим трудом для спасения народов Украины, России, Белоруссии и других стран, вступивши в бой с вышедшим из-под контроля атомным монстром?

Авария была локализована. Вами было загружено более 5 000 тонн песка, свинца и доломита.

Проложен трубопровод для откачки воды из 4 реактора.

Разгружено 3 эшелона с мраморной крошкой на станции Вильча Чернобыльского района.

Проведена дезактивация территории ЧАЭС, что дало возможность начать работы по строительству саркофага над 4 реактором.

Проведена дезактивация 226 усадеб.

Для выполнения такого объема работ в нормальных условиях необходимо было бы задействовать 3–4 мотострелковых полка.

За свой героический труд Вы заплатили:

- переоблучение личного состава— 100%;
- потеря трудоспособности— 100%;
- стали социально не защищенными государством;
- постоянно теряете своих товарищей, которые преждевременно уходят из жизни. Если брать в процентном отношении по командному составу, то к 2009 г. в живых осталось 25–30 %, тоже самое и с личным составом 731 ОБСЗ.

Командир батальона подполковник Муравский В. В. ушел из жизни. Командир батальона Босый Н. Ф. живет со штучным электрическим управлением работы сердца. Такая же ситуация и с личным составом 731 ОБСЗ.

Далее будет сказано о том, что не каждый может сообщить эту информацию по различным причинам.

Была ли необходимость для такого срочного формирования 731 ОБСЗ методом мобилизации?

Как кадровый старший офицер оперативно-тактического звена заявляю: «Нет. Такого не было даже в тактическом плане». Задачи, которые были поставлены перед 731 ОБСЗ, должны были выполняться в первую очередь формированиями гражданской обороны ЧАЭС Чернобыльского района Киевской области во главе с их руководителями и начальниками штабов. Если появилась необходимость использования формирования вооруженных сил, то по всем военным наукам в бой вводятся поэтапно подразделения 1 эшелона, одновременно идет мобилизация и подготовка войск 2–3 и т. д. эшелонов.

731 ОБСЗ относится до войсковой части 3 эшелона со степенью готовности к боевым действиям через 72 часа (3 суток), предусмотренные мобилизационным планом, который имеет силу закона. В данном случае командующий Киевским военным округом мог использовать одну из войсковых частей, введенных в район ЧАЭС.

Но, к сожалению, ни одна из структур не сработала в этом направлении, особенно подразделения гражданской обороны всех уровней. Они даже не сообщили

своевременно об этой страшной аварии по средствам массовой информации. Их руководители показали свою безграмотность и не компетентность, неспособность организовать хоть какие-то спасательные работы.

Про опасность было известно в первые минуты после взрыва. Главный дозиметрист ЧАЭС Красножон информировал вышестоящее руководство, что уровни радиации в эпицентре взрыва больше 2500 рентген в час. Но эти данные искажались и в докладах приводились другие данные. Из доклада одного ведомства:

«По состоянию на 15.00 26 апреля радиационная обстановка в районе аварии характеризуется уровнем радиации гамма частиц в непосредственной близости от очага до 100 микрорентген в час..., обстановка на ЧАЭС, в городе Припять и прилегающих населенных пунктах нами контролируется, ЦК Компартии Украины доложено».

Мне лично пришлось встречаться с главным руководителем ГО Киевской области в г. Припяти 27 апреля 1986 г., который старался хоть как-то обеспечить слаженность в действиях своих формирований. Но все его старания были напрасными. Основное большинство бойцов формирований ГО быстро уехало по дальше от этих мест. Вскоре и их главный областной руководитель уехал вслед своим войскам. Появился вакуум, который нужно было срочно заполнить и при этом — чтобы не нести ответственности.

Поэтому, уважаемые бойцы 731 ОБСЗ, это было основной причиной того, что Вас, граждан Украины, которые не имели ни какого отношения к атомной энергетике, направили в самое пекло Чернобыля, чтобы вашими руками и вашим здоровьем загрести Чернобыльский жар, и Вы стали живым щитом для прикрытия безответственности и неспособности руководства всех уровней власти.

Была проявлена бездарность руководителя ГО Киевской области, который руководил безграмотным штабом и они вместе подвели народ Украины. При планировании эвакуации населения из зоны отчуждения был нарушен порядок эвакуации. Это проведение полной санитарной обработки эвакуированных и техники при выходе из радиоактивной зоны. В результате вся радиоактивная пыль была разнесена на плечах граждан и на корпусах техники.

Государством в лице военного ведомства в данном случае совершено вредительство по отношению к военнообязанным, призванным из запаса. Воинов даже не проинструктировали по технике безопасности в условиях работы радиоактивного излучения. Не выдали индивидуальные дозиметры ДС-50, ДКП-50, защитные очки, противорадиационные препараты, спецпрорезиненную военную форму. Против Вас, воины, было совершено зло, которое в международном обществе считается как злодеяние против человечества. Но пусть это будет дело Суда Божьего.

Жаль, что Ваш героический труд и Ваш весомый вклад в спасение Украины и других государств от неминуемой гибели не оценены достойно государством. По выполнению Закона о Чернобыльской катастрофе все годы обращались к Президентам нашей страны, к уполномоченному Верховного Совета по правам человека и все безрезультатно. Нас использовали в трудное время и теперь вычеркнули из жизни, как будто нас и нет.

Это было изложено Открытое письмо командира 731 отдельного батальона специальной защиты полковника запаса Н. Ф. Босого к офицерам, прапорщикам, сержантам и рядовым этого батальона, семьям и родственникам умерших.

Обращение к родителям, женам и детям воинов-ликвидаторов

Обращаюсь к родителям воинов-ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС 1986 г. нашего батальона. Ваши сыновья сделали огромную работу по спасению человечества от радиоактивного облучения. Это был героический труд. Они ликвидировали последствия аварии на ЧАЭС и предотвратили повторный, еще более масштабный по разрушению и радиоактивному загрязнению, взрыв.

В опасных для здоровья людей условиях они грузили вертолеты песком, свинцом и доломитом. Через их руки прошло 5 тысяч тонн груза для сброса в 4 реактор. Тонны радиоактивного мусора было ими убрано и упаковано в спецконтейнеры для отправки в хранилища. Делали по несколько раз дезактивацию полов и стен в помещениях 3 и 4 реакторов, а это гектары вымытых площадей. И не отдыхая, ночью строили зимние палатки, овощехранилище, столовую, клуб, не жалея сил и здоровья. В то время они выдержали быстрый темп работы, все выполнялось бегом. Они сделали все, чтобы другие поколения жили в нормальных для жизни условиях. Это настоящие сыны народа. Они были призваны из народа и ушли в народ. О них, к сожалению, никто не вспомнит. Но Вы, родители, знайте, что Ваши сыновья достойны похвал и награды. Спасибо Вам за таких сыновей.

Жены воинов-ликвидаторов нашего батальона, на Вашу долю выпала тяжелая участь. Многие воины ушли из жизни. Некоторые после перенесенных болезней — лежание в постелях. Некоторые не могут порой контролировать себя и часто раздражаются. Не бросайте их в эти трудные минуты. Они не виноваты, что стали такими. Помните, что они защитили собой Вас, детей, Ваших родителей. Пусть Ваша забота и внимание будут для них милосердны.

Дети, Вы — наше будущее и должны знать и помнить о тех трагических событиях 1986 г. нашей страны. Если Ваш отец участвовал в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в 1986 г., то он настоящий Герой, спасатель миллионов людей. И это сказано без преувеличения.

Нам, призванным из запаса, ордена не давали. Эти заслуги присваивали другие, которые при власти. Поэтому не всегда судите о заслугах человека по наличию у него орденов.

Сейчас, в мирное время, получено много званий Героев Украины и орденов государственными служащими, руководителями предприятий только за то, что очередной какой-то юбилей или просто занимаемая должность позволяет ему это сделать.

Поэтому заслуга Вашего отца ни с чем не сравнима.

Гордитесь им. Он защитил Вас, ваших будущих детей и целые поколения от радиации. И пусть его подвиг никогда не померкнет в Вашей памяти и сердцах людей.

Люди, помните эту трагедию, чтобы подобное никогда не повторилось. Любите друг друга, уважайте. Имейте всегда человеческое достоинство. Никогда не унижайте других и не унижайтесь сами.

Оставайтесь всегда достойны высокого звания — Человек.

Обращение к главам государств

Обращаюсь к Президентам государств, где живут воины-ликвидаторы последствий аварии на ЧАЭС 1986 года. Прошу Вас, помогите им заботой и вниманием со стороны государства. Они грузили вертолеты, выносили радиоактивный мусор, делали дезактивацию помещений 4 и 3 реакторов. На их плечи легла основная тяжесть работ. Сейчас, к 2009 году, в живых осталось из нашего 731 спецбатальона — 25%. Эти воины были призваны из запаса.

Теперь они никому не нужны. А ведь именно они сделали основную работу по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС и предотвратили вместе с воинами полка ГО еще более страшный взрыв. Только люди в погонах, под приказом, обязаны были работать там, где отказывала техника из-за высокого уровня радиации — выходили из строя печатные платы на радиоуправляемом тракторе, который работал на 4 реакторе. И эти люди работали без средств защиты. Их называли смертниками. Они собой, как живым щитом, защитили от радиации целые поколения. Они сохранили экологию всей планеты.

В Российской Федерации достойно отнеслись к ликвидаторам последствий аварии. В Республике Беларусь существует целая программа по восстановлению территорий после радиационного загрязнения и по достойной материальной поддержке чернобыльцев на государственном уровне. Поэтому как непосредственный участник и свидетель трагических для всего человечества дней 1986 года обращаюсь и к другим государствам, независимо от того, из какой страны были призваны воины и

в какой стране они сейчас проживают, сделайте все возможное для нормальной жизни воинов-ликвидаторов 1986 года, которые работали на ЧАЭС. В такой же ситуации были пожарники, вертолетчики, шахтеры, станционники — работники станции и другие, которые возводили саркофаг. Они не заслуженно забыты. А если забыто прошлое, то не исключаются ошибки и в будущем.

Справедливость и забота в отношении их должна быть восстановлена. Они должны достойно жить в любом государстве.

Это долг каждого государства за спасение миллионов жизней и экологии нашей планеты. Об этом надо помнить, чтобы не повторять ошибок. И пусть всегда будет мирное небо над нашей землей.

Заключение

Вот и все, что можно было вспомнить про ликвидацию последствий аварии на ЧАЭС 1986 года. Конечно, вспомнить каждый день поездки на станцию невозможно. А делать записи и фотографировать нам запрещалось. Да и фотопленки при таких уровнях радиации могли засветиться.

По моей карточке доз радиоактивного облучения видно, что выездов на ЧАЭС было много.

В июле из 2 дней — 1 день был на станции.

В августе из 31 дня — 20 дней был на станции.

В сентябре из 9 дней — 5 дней был на станции.

Примерно столько же выездов имели все в нашем батальоне. Здоровье напоминает о тех тяжелых днях, которые нам пришлось прожить. Человек может отдохнуть от чрезмерного физического труда, но жесткое ионизирующее излучение в десятки и сотни рентген оставляет в организме свои изменения, которые будут постоянно напоминать о себе в течение всей жизни. И поэтому, наверное, еще один феномен Чернобыля: человек отдыхает, но не может отдохнуть. Какая-то постоянная усталость. Это непривычно. И с годами, думая о своей судьбе, прихожу к выводу, что в природе все закономерно.

Поэтому мы не обижаемся на судьбу, что она послала нам такое испытание. Каждому в жизни дано предназначение и мы прошли через него достойно — спасли здоровье и жизни миллионов людей, отдавая свое. Счастья Вам, здоровья и любви.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Боевой путь батальона	4
До аварии. Мирная жизнь	4
Призыв. Военное время	6
Спецбатальон	7
Ликвидация последствий аварии на ЧАЭС	
Первые впечатления	9
«...Чтобы меньше другим досталось»	21
Трудовые будни	24
Нам ордена не давали	43
Последние дни в батальоне	45
После аварии. Тревоги и заботы.	48
Из воспоминаний воинов спецбатальона	
Первый сигнал	51
По закону военного времени	52
«Ребята, у кого есть какие предложения?»	55
Температуру снизить немедленно!	55
25 рентген предел?	56
Земной Вам поклон, ликвидаторы!	56
Полеты над целью.	57
Давайте вашего дозиметриста и пойдем, проверим.	58
За выполнение приказа — распишись.	59
От солнечной жары и радиации першило в горле, кружилась голова	60
Мы решили обойтись малой кровью	61
Вначале ликвидации был хаос и растерянность	65
«...Я и сегодня там, в Чернобыльской зоне» (Ред. Сергей Бабаков)	65
Не дождетесь!	79
Открытое письмо командира 731 отдельного батальона специальной защиты полковника запаса Босого Н. Ф. к личному составу батальона.	82
Обращение к родителям, женам и детям воинов, ликвидаторов	87
Обращение к главам государств.	88
Заключение	89

ГУДОВ Владимир Анатольевич

731 спецбатальон

Редактор Патола Э.И.

Компьютерная верстка Патола Н.Б.

www.postchernobyl.kiev.ua E-mail: gudovva@mail.ru

Подписано в печать 03.12.09. Формат 60х841/8. Гарнитура Baltica.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000. Усл. печ. лист. 9,83. Зак. № 210-5117.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре “Киевский университет”

01601, Киев, б-р Т.Шевченко, 14, комн. 43,

тел. (38044) 239 3222; тел./факс (38044) 239 3128.

Свидетельство внесено в Государственный реестр ДК № 1103 от 31.10.02.